

Марианна Красовская

ПТИЛЧКА

18+

по имени Авелин

Марианна Красовская
Птичка по имени Авелин

«Автор»

2023

Красовская М.

Птичка по имени Авелин / М. Красовская — «Автор», 2023

Жизнь - театр, где все мы играем какие-то роли. Какая тайна скрывается в прошлом скромной аптекарши из провинциального городка? Чего боится начальник городской стражи? Поможет ли любовь им сбросить маски и одолеть своих демонов?

© Красовская М., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Часть 1. Сброшенные маски	5
1. Граница	5
2. Родня	8
3. Карнавал	11
4. Ниххонец	15
5. Аптекарьша	18
6. Начальник городской стражи	21
7. Такое сложное имя	24
8. Идеальный мужчина	28
9. Нежданные гости	31
10. Дождь в конце лета	35
11. Все носят маски	38
12. Графиня и шпион	41
13. Демон	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Марианна Красовская

Птичка по имени Авелин

Часть 1. Сброшенные маски

1. Граница

Пассажиру карету немилосердно трясло. Я пыталась глубоко дышать, опускала голову к коленям, нажимала на всякие точки ладоней и запястий – но тщетно. Все равно тошнило. К счастью, не меня одну. Поэтому кучер время от времени останавливался и позволял жалким людишкам высвободить свои нежные желудки от бренной пищи. Сам он, конечно, тоже был человеком – только сидел не в тесной душной внутренности деревянной коробки, а снаружи, да еще, наверное, привык. А я не привыкла.

Я никогда не передвигалась таким способом. Я и представить себе не могла, что это настолько отвратительно. Что ж, одно бесспорное преимущество у этой кареты было – в голове не осталось места для унылых мыслей. Ах да, и ещё она передвигалась, с каждым оборотом колеса отдаляя меня от Люциуса III и его потных рук.

Выйдя в очередной раз подышать – живот был пуст, словно королевская казна Ранолевса, уже даже не тошнило – я огляделась и вскрикнула от радости, увидев темно-зеленый куст мирилии узколистной.

– Мы спасены! – объявила я своим случайным спутникам. – Эти волшебные листики спасут нас от расстройства желудка!

И первая засунула острый зелёный листочек в рот и принялась жевать.

– Госпожа – травница? – с любопытством и недоверием спросил толстячок Ранье, который хуже всех переносил тряску. Он страдал от всего, чего можно, но в первую очередь, от голода.

– Не то, чтобы травница, но из семьи аптекарей. Кое-что знаю.

Чистая правда, между прочим. Мой любимый супруг, да успокоится его душа в посмертии, когда-то забрал меня под прямо из аптечной лавки. Я, помню, даже сопротивлялась. Слабо улыбнулась воспоминаниям, вздохнула... и полезла обратно в карету.

Через час листья жевали все, даже сверхнедоверчивая мадам Базьен. Поглядела, что я бодрa, весела и даже румяна, и попросила листочек. Не то, чтобы вкусно, да и зубы зелёные становятся, но это явно лучше, чем состояние вязкой липкой тошноты.

Зато теперь мы могли слушать про ленивую невестку Базьен, про покойную супругу Ранье и смеяться над шутками братьев Петрес. Причём смешно было не столько от их историй, сколько от зелёных улыбок.

– Мы похожи на гулей, – заметила Петронида Базьен, и все грохнули хохотом.

Ну да, у сырых листьев лёгкий наркотический эффект. Ничего страшного. Пройдёт.

На границе Эльзании и Ранолевса наши подорожные изучали так тщательно, словно подозревали, что мы увозим с собой несуществующий золотой запас королевства. Причём женщин проверяли гораздо скрупулезнее. Ну, пусть. Ищут-то аристократически-бледную шатенку, а я сегодня – смуглая брюнетка, к тому же с короткими, едва достающими до плеч волосами. К тому же давайте честно – графиня Волорье да в общественной карете! Это моветон, господа.

– С какой целью въезжаете в Эльзанию, госпожа Ферн?

– Вступить в наследство, тут же написано. Домой возвращаюсь. Документы на наследство прилагаются.

– Тут написано, что ваша тётка умерла больше года назад. Почему тянули?

– Почта очень медленная, господин. Пока письмо пришло, пока подтверждала свою личность, пока имущество продала... не быстро это всё.

– Зачем же продавали здесь, а не эту самую аптечную лавку?

– Что значит "зачем"? – искренне удивилась я. – Затем, что теткина лавка большая и в центре города, а моя была маленькая и в пригороде, да и сами поглядите, что происходит в Ранолевсе! Мятёжи, заговоры, государственный переворот! Страшно жить стало, господин! А Эльзания – страна богатая, спокойная, к тому же родина моя.

– Ясно все с вами, как крысы разбегаетесь, – презрительно сплюнул на землю пограничный страж. – Что везете? Торбу свою открывайте.

– Вещи приличные, сапоги вот, – перечисляла я. – Деньги в разрешенном количестве. Украшения.

При слове "украшения" страж было оживился, но сразу посмурнел, увидев несколько грубых серебряных колец и пару золотых сережек с камнями. Не то. Не фамильные камни Волорье, разумеется. Я ж не совсем дура! Камни в банковской ячейке остались. Да и не принадлежат они мне, это – наследство сестры Ральфа. Пусть её дочери потом щеголяют в ожерельях и диадемах.

– Пошлина за переход границы восемь золотых.

– Сколько? – придушенно спросила я. – Вы шутите? Всегда две монеты было!

– Его величество Люциус III поднял на днях. Чтобы золото оставалось на родине.

Я смотрела в кошель и едва не плакала. Я не могла позволить себе такую пошлину. То есть могла, конечно, но не вскрывать же подкладку торбы прямо немедленно!

– Сколько есть? – с притворным сочувствием спросил страж, вытягивая шею, чтобы заглянуть ко мне в кошелёк.

– Шесть, – с несчастным видом ответила я.

– Ну... могу предложить выход... пойдём со мной в кусты и проходи бесплатно.

Я молча смотрела на стража и понимала, что меня сейчас оценили высоко, очень высоко. Гораздо дороже, чем элитную шлюху в столичном борделе. Но в груди все равно зарождались боль и гнев. Почему я не воспользовалась своей второй ипостасью, чтобы пересечь границу? В Ранолевсе все равно никто не знает о моей сущности, меня явно ловить никто не стал бы. Ах да, лететь далеко. Я б потом слегла на неделю.

– Вот так годится? – я добавила к шести монетам массивные золотые серьги. Идти в кусты я не испытывала ни малейшего желания.

– Годится, – разочаровано вздохнул страж. – Проходи.

Я закинула торбу на плечо и прошла в уже ждущую карету. Села, уронила голову на руки и расплакалась, как ребёнок. Я не плакала, когда узнала, что мой супруг в тюрьме. Не плакала, когда ему отрубили голову на дворцовой площади. Не плакала, когда потеряла ребёнка. Не плакала, когда меня саму приволокли к новому королю, который пожелал сделать меня своей любовницей. Я всегда боролась до конца, считала себя бойцом. А сейчас, видимо, чаша переполнилась, и то, что я лишилась даже не последних денег, стало для меня концом света.

– Лина, ну чего ты? – пытались меня гладить по плечам братья Петрес. – Что случилось-то?

Я, всхлипывая, показала им пустой кошель.

– Ты не знала про повышение пошлины? – догадалась мадам Базьен. – И у тебя больше нет денег?

Кивнула, пытаюсь успокоиться. Это ведь ничего, правда? До столицы путь оплачен, ехать ещё десять часов. А в столиценайду какую-нибудь подработку или попрошусь в какой-нибудь обоз. Мне главное до Фулбина добраться, а уж уже до лавки дойду пешком, ну и пусть, что через пол города. За десять часов как-нибудь не умру с голода, да и кольца остались. Уж на

булку с молоком выменяю. Но слезы все текли, и даже дружеская поддержка не помогала, а делала только хуже.

И тут я поняла, в чем дело. Эти чёртовы листочки, которые я жевала! Я истерически захихикала сквозь слезы. Какое коварное растение оказалось! Что ж, зато не тошнило. С горем пополам, продолжая одновременно смеяться и плакать, я объяснила ситуацию попутчикам. Они молча отодвинулись, явно ожидая, когда их накроет истерика, но ничего не происходило.

Конечно, я по природе своей не совсем человек, на меня все травы и зелья действуют чуть иначе.

Наплакавшись, уснула так крепко, как не спала ни одной ночи за последний год. Попутчикам пришлось приложить немало усилий, чтобы растолкать меня на постоялом дворе. Господин Ранье купил мне миску жаркого, братья Петрес налили вина из своего кувшина, а Петронида Базьен, которую я считала скрягой, практически насильно сунула мне в торбу хлеб и сыр, завернутые в льняную салфетку. Я чуть опять не разревелась от такой заботы. Пришлось пригласить всех в свою аптеку и пообещать скидку – это меньшее, что я могла сделать для этих замечательных людей. А кучер, послушав мои слезы, заявил, что мое горе и вовсе не беда, ну сделает он небольшой крюк и высадит меня в этом самом Фулбине, почти по дороге же, подумаешь, на час длиннее дорога, никто ж не против? Против никто не был.

Из кареты уже выходила другая я. Впрочем, я никогда в полной мере не ощущала себя графиней Волорье. Мне казалось, что можно вывезти девушку из аптеки, но аптеку из девушки – никак.

Я закинула торбу на плечо и шагнула на гранитную мостовую. Здравствуй, любимый город, я вернулась!

2. Родня

За год в тетушкиной аптеке совершенно прохудилась крыша. Лари с дорогими и редкими травами были безнадежно залиты водой. Шкафы покосились, оконная рама в маленькой квартире над аптекой была вся перекошена, полы набухли и вздыбились волнами. На стенах чернела плесень. Хорошо мое наследство, нечего сказать!

Я перешла улицу и заколотила в дверь лавки мясника, страшно ругаясь, а когда огромный как гора дядько Амбруаз Ферн отворил, попыталась заехать ему торбой по голове. Не достала, конечно, попала в плечо.

– О, племянница моя вернулась, – констатировал дядько, отбирая у меня торбу. – Не прошло и десяти лет! Как была дикаркой, так и осталась! Дай посмотреть на тебя, чокнутая девка!

Он отступил на шаг, поцокал языком и усмехнулся:

– Мать сменила, птичка? Теперь ты, никак, ворона!

– А ты – стервятник, – буркнула я. – Аптеку мою разорил. Не мог в аренду сдать, что ли? Одни убытки!

– Безмозглая ты птаха, контура на входе не заметила, да? Агнешка умерла в лесу, аптеку заперла, как обычно, а контур она все эти годы и не обновляла. Кроме тебя, дверь никто отворить не мог! Коли ты бы письмо не прислала, что едешь, мы б мага вызвали. Но решили дожидаться новую хозяйку.

– Извините, – пристыженно буркнула я, пряча глаза. – Отвыкла совсем за десять-то лет от здешних порядков.

– То-то же! Ну проходи, племянница, с Тешкой поживешь в комнате, пока крышу над твоим жильём не перекроют.

С Тешей, в смысле, с Терезией я возиться не хотела, потому что детей не любила, но выбора у меня явно не было. Придется в детской какое-то время пожить, что ж, будет стимул побыстрее разобраться с делами.

Я прошла за дядькой через лавку, оглядываясь и замечая, как здесь всё изменилось за прожитые годы. Он установил дорожные холодильные установки, куски мяса были красиво разложены на стеклянных витринах, огромные весы были с магической пломбой и датой поверки. Однако дела у Фернов идут хорошо, надеюсь, что и я, высылая тетушке ежемесячно неплохую сумму в золоте, внесла вклад в семейный бизнес.

Ферны – семья (точнее, как она сама себя называет, стая) старая, большая и очень дружная, а оттого и успешная. Часть моих родственников держит лавки, часть гостиницы, тетушка была аптекаршей, а некоторые живут за городом и выращивают овощи да скот. Случись чего – пожар, неурожай, свадьба или похороны – родня собирает совет, где сообща решает, как помочь. Отрадно видеть, что дела здесь идут неплохо.

За лавкой у дядьки кухня, где как раз ужинают – его жена, два мальчишки лет восьми и десяти на вид и прехорошенькая девица выдающихся статей. Я вспомнила, сколько лет не была дома, и рассмеялась.

– Терезия, вот это да! Я тебя совсем крошкой помнила! Когда дядюшка сказал, что я буду с тобой в комнате жить, я даже расстроилась, думала, за что он меня в детскую ссылает? А ты вон какая красавица, сколько тебе уже, шестнадцать?

Мда, неужто я была вот такой же дурочкой, которая не умеет скрывать свои мысли, когда Ральф Волорье увез меня из теткинго дома? Теша явно не знала, злиться ли ей на то, что у нее появилась нежданная соседка, или чувствовать себя польщенной, но я знала, чем подкупить шестнадцатилетних девочек. Сняла с пояса кошелек и вытряхнула на стол свои кривые колечки.

– Это золото, не подумайте, – сказала я недоуменно приподнявшим брови женщинам. – Просто оно под слоем олова. Так через границу проще перевезти было. Отнесем в ювелирную лавку, олово выплавим, будет Теше приданое. Все, конечно, не отдам, но одно кольцо ей, другое вам, тетушка.

Вмиг я стала «долгожданной племянницей» и «бедной девочкой». Ральф был прав – золотой ключик к сердцам всегда надежнее, чем родственные связи.

Тешина комната была на первом этаже и выходила окнами в заросший сад, где сейчас буйным цветом цвела чайная роза, зеленели старые яблони, а под окнами стратегически грамотно располагались заросли крапивы. Это правильно – когда у девочки, тем более, такой хорошенькой, как Теша, растет под окном крапива, за ее девичью честь можно быть спокойным. Мне поставили там старую облезлую кушетку, некогда украшавшую гостиную тетки Аглаи (еще до того, как эту самую гостиную переделали в детскую). Потом решили, что не мне, а Теше, потому что я на голову ее выше, ей удобнее на короткой кушетке спать. Это явно не прибавило в глазах Тешы любви ко мне. Пришлось ей потесниться, и платья мои – целых два – заняли почетное место в ее шкафу.

Разумеется, я не собиралась вечно ютиться у дядюшки. Наверное, мне нужно было снять комнату в гостинице кузена Фредерико, но теперь уже поздно. Дядюшка не понял бы.

Первые дни я только и делала, что ела и спала: побег из Ранолевса дался мне тяжело, даже не столько физически, сколько душевно. Все-таки я провела там девять лет, и не сказать, чтобы они были несчастными. Нет, это была хорошая школа жизни, я узнала многое, что хотела бы забыть, и многое, что мне вполне может пригодиться в Эльзании. Когда с кожи и волос смылась краска, я начала выходить из дома – вначале просто гулять по улицам, а потом здороваться с людьми и рассказывать свою легенду. К счастью, родня моя болтливостью не отличается, никто, кроме нескольких человек, и не знал, что я была графиней. Всем я говорила, что имела свою травяную лавку в Ранолевсе, а теперь вот вернулась, потому что тетушка оставила мне аптеку в наследство. Да, замужем побывала, а как иначе? Одинокой женщине тяжело прожить. Да, деток всевышний не дал, а муж, что муж... по пьяни в речке утонул, так нередко бывает.

Меня и жалели, и посмеивались надо мной, а мне того и нужно было. Пусть думают, что я неудачница. Всё лучше, чем зависть. Работу не предлагали, а про аптеку любопытствовали – раз уж я ремесло не бросила, то, наверное, и теткин лавку продавать не буду, сама за прилавок, как раньше, встану? Шепотом спрашивали про особые зелья, тут уж я прикидывалась дурочкой и сообщала, что тетка свои секреты в могилу унесла, а я в Ранолевсе другому училась: как боль да родовую горячку унимать, как женскую красоту сохранить да как мужскую силу вернуть.

Мстительно шурилась, проходя мимо больших красивых витрин «Кота и микстуры» – самой богатой аптеки в Фулбине. Там хозяин был мужчина, он и не подозревал о моем коварстве, и уж точно пришел бы в ужас, спроси у него кто-нибудь отвары для восстановления мужской потенции.

Вот что я вынесла из прошлой жизни – так это уверенность в себе. Я знала, что я умна и красива, не боялась скандалов и безобразных сцен и могла дать отпор любой крикливой бабе. С мужчинами было сложнее, но Фулбин, хоть находится в двух часах езды от столицы, хоть и имеет королевскую резиденцию на окраине (с прудами, лебедями и вечнозеленым лабиринтом), а город небольшой, все друг друга знают, поэтому задирать меня вряд ли кто-то осмелится, у меня какой-то там дальний родственник Ферн в той самой королевской резиденции управляющим работает – чай, не последнее лицо в городе.

Осталась и привычка красиво одеваться. Я едва не довела до истерики портниху, требуя, чтобы даже самые простые мои блузки шились из лучшего хлопка, а юбки были именно такого покроя, как я хочу. Про нижнее белье и говорить нечего: я привыкла к корсетам, пусть и тканевым, и долго объясняла Доне Ферн, что я от нее хочу получить на выходе. Не будь она моей какой-то там родственницей, она бы меня, наверное, убила, но в целом мы расстались едва ли

не лучшими подругами, потому что многие дамы к ней зашли посплетничать про «бедняжку Авелин», а вышли с корсетами и панталонами по последней моде Ранолевса.

– Скучная ты стала, Лина, – заявила мне как-то под вечер тетка Аглая. – Не то, что раньше. Помнишь, как ты графа венником побила, а?

– Не было такого, тетушка, – хмуро ответила я, собирая посуду после ужина. – И графа никакого в моей жизни не было, только аптека в Ранолевсе.

– Я и говорю, – согласилась тетка. – Скучная. Даже графа не было. И наряды все унылые. В чем на карнавал пойдешь, а?

– Карнавал? – встрепелась я. – Когда?

– Так в день солнцестояния же, – удивилась Аглая. – Ты что, совсем в своем Ранолевсе от жизни отстала? А может, ты дома останешься, за мальчишками присмотришь?

– Я? Вот еще! Танцевать хочу! Маску хочу!

– Так о чем речь, тебе Тешкины платья вполне подойдут! В груди шнуровку расслабим, снизу лент нашьем, и будешь красавицей!

3. Карнавал

Будучи графиней Волорье, первое время я больше всего скучала по карнавалам. В Ранолевсе тоже праздновали день летнего солнцестояния, но не так весело. Пару раз, переодевшись простолюдинкой, гуляла на празднике – не впечатлилась. Драки, пьянь, воровство... Ничего общего с карнавалом в Эльзании. Сейчас я понимаю, что была пристрастна, что карнавалы вспоминались мне прекрасными хотя бы потому, что я была в ту пору юна, восторженна и беззаботна, но и сегодня я надевала маску с каким-то трепетом. Маска моя с перьями и птичьим клювом, как, впрочем, почти у каждого горожанина, и плащ за спиной похож на крылья. В Эльзании любят птиц. У нас даже на королевском гербе и на монетах изображен журавль.

Я вышла из дома, и меня сразу же подхватила толпа. Людей было море. Впервые за последние восемь лет меня не заботила ни репутация, ни чье-то мнение. Я была свободна, как птица в небе. Я была частью своего народа, частью истории Эльзании.

Я танцевала на улице, пила эль, с кем-то почти подралась, а потом долго отбивалась от назойливых поклонников, которые хотели заглянуть мне не то под маску, не то под юбку. Я хохотала как сойка, порхала как колибри и распевала песни, словно жаворонок.

А потом я устала и села отдохнуть на фонтан, опустив гудящие ноги в прохладную воду.

Мужчина стоял посреди улицы с невозмутимым, почти каменным лицом. Он явно был иностранцем, причем с востока. Высокий рост, узкие глаза, длинные гладкие волосы, чуть желтоватая кожа привлекли моё внимание настолько, что я даже забыла про усталость. Никогда я не встречала настолько красивых людей. Я была пьяна, и он мне показался просто совершенством: весь – от узла на макушке до пол черного шелкового халата.

Я обулась и подошла к нему, традиционно складывая руки в приветствие, и заговорила по-ниххонски:

– Да простит достопочтимый господин ничтожную рабыню, могу ли я вам чем-то помочь?

Неожиданно роли, которые играла графиня Волорье, мнегодились. В той жизни я часто бывала при дворе и несколько раз сопровождала ниххонскую делегацию.

Мужчина посмотрел на меня сверху вниз, улыбнулся уголками губ (это был очень хороший знак, обычно ниххонцы не выдают своих эмоций) и ответил по-эльзански:

– Госпожа премного обяжет меня, если укажет дорогу к приличному постоялому двору. Я впервые в Фулбине и никак не ожидал, что сегодня здесь праздник.

Он говорил с легким акцентом, чуть картавя, и это привело меня в полный восторг.

– Позвольте ли проводить вас? – рискнула я.

– Буду благодарен.

– Насколько приличной должна быть гостиница? – уточнила я, внимательно оглядывая наряд мужчины. Одет он был добротно, да к тому же кимоно было из натурального шёлка – не простой бродяга. За спиной меч. Волосы опять же длинные. Воин и притом опытный.

– С чистыми комнатами и водопроводом, – немного подумав, ответил воин. – И ближе к казармам стражи.

– В таком случае, нам в Золотого карпа.

– Отличный знак. В Ниххоне карп – символ удачи и упорства.

А то я не знаю! А ещё совершенно случайно эта гостиница принадлежит моему двоюродному брату Фредерико Ферну. Впрочем, это скорее плюс. Я уверена, что гостя там не обманут, обслужат по высшему разряду, ведь его привела я – своя по крови.

Идти по запруженным народом улицам непросто, на нас то и дело натыкались люди в масках и плащах, и я не выдержала:

– Достопочтенный воин, я знаю, что это грубое нарушение этикета, но прошу позволить взять вас за руку. Иначе, боюсь, мы с вами потеряемся в толпе.

– Госпожа, я довольно давно в Эльзании, к тому же прекрасно понимаю, что традиции наших стран разнятся. Не думайте о правилах приличия Ниххона, в конце концов, мы не на приёме и не на балу.

Он сам взял мою озябшую уже руку в большую тёплую ладонь, и дальше я вела его за руку. Это было приятно и даже будоражило. Во-первых, я все ещё была пьяна, во-вторых, он по-прежнему оставался самым красивым человеком, которого я только встречала, а в-третьих, последним мужчиной, который вот так интимно меня касался, был мой супруг, который умер полтора года назад.

Я повела его длинной дорогой, желая хоть немного насладиться забытыми ощущениями. А он крепко держал меня за руку, вертя головой по сторонам.

– Госпожа, – не сдержался он. – А что это за штуки на деревьях? Неужели в самом деле – дома?

– Скорее, гнезда, – поправила его я. – Вы, наверное, слышали, что в Эльзании живёт немало людей-птиц?

– Да, но я ни разу не встречал человека, который оборачивался птицей. Думал, это сказки.

– Не сказки. Людей-птиц осталось немного, – что я несу? О таких вещах не рассказывают посторонним! Но проклятый эль и теплая ладонь, бережно сжимающая мои пальцы, развязали мой язык. – К сожалению, птичий дух наследуется не всегда. Многие люди-птицы избрали своей парой обычного человека, а их дети редко умеют оборачиваться. Хотя бывает и по-другому, когда у двух обычных людей рождается дитя-птенец – потомок какого-то прадедушки. В народе есть поверье, что если зачать ребёнка в таком гнезде, то он будет крылат. Вот, строят...

– И как, помогает? – в голосе ниххонского воина слышна явная насмешка.

– А что, помогает колокольчик от ёкаев? – так же насмешливо спросила я.

Мужчина поджал губы, а потом вдруг улыбнулся.

– Достойный ответ, госпожа. Прощу простить мою грубость.

– Всё в порядке, – погладила я его руку большим пальцем. – Знаете, гнезда все равно нужны. Птенцы, в смысле, дети, любят там играть, да и многие старики предпочитают высоту.

– Любопытно, – качнул головой воин. – Жаль, что нельзя увидеть, как это диковинное жилище устроено.

– Ну почему нельзя? – настроение у меня было самое озорное – еще бы, целую бутылку эля вылакала. – Сейчас поглядим.

Я осмотрелась и потащила своего невольного спутника к огромному дереву возле пекарни Фернов. Воин, к его чести, вырваться не пытался, только что-то бормотал про неприличную ситуацию. Ха! Ты просто не знаешь, насколько неприличной я могу быть!

Мой прадед Никодим Ферн жил в доме на дереве последние двадцать лет. Именно столько он собирался помереть. Я была немало удивлена, застав его после своего весьма длительного отсутствия весьма живым и совершенно не изменившимся.

Я подбежала к дереву, подняла лицо вверх и заорала:

– Дедушка Ни-и-ик! Я вам гостя привела!

Лицо ниххонца страдальчески искривилось, он что-то прошипел сквозь зубы и принялся озираться, явно планируя бросить ненормальную бабу в одиночестве, но не успел: сверху уже упала веревочная лестница.

– Не переживайте, дедушка любит гостей, – ободрила я мужчину. – Ну же, ползайте.

– Дамы вперёд, – процедил воин, поправляя заплечный мешок.

– Проверяете лестницу на прочность? Здравый подход, – одобрила я и, задрав юбку почти до бёдер и закрепив ее край на поясе, споро полезла вверх.

От чего я так и не смогла избавиться со времен своей графиньской жизни, так это от любви к красивому белью. Ниххонцу было на что поглазеть. Мой покойный муж всегда говорил, что у меня идеальные ноги, а чтоб вы знали – он был очень придирчивым. Ну а ноги в

чулках из льерского шёлка не могли не становиться ещё красивее, особенно учитывая их стоимость.

Ниххонец все же поднялся следом за мной. Видимо, бросить меня сейчас было ещё позорнее, чем заваливаться в гости к незнакомому старику. И взгляд у него был мне очень хорошо знаком: в нем просматривался явный мужской интерес. А я знала, что мои ноги – это неплохое оружие!

Дед Никодим маленького роста, ниже невысокой меня. Я даже представить не могу, сколько ему лет. В детстве я часто у него бывала, да и теперь забегала со всякими вкусностями, поэтому меня он любил.

– Лина, птичка моя, хорошо, что навестила старика, – поприветствовал он меня. – Представь же своего юношу.

– Эээ... – я вопросительно оглянулась на ниххонца.

– Акихиро Кио, господин, – ниххонец склонился в глубоком почтительном поклоне.

– Оу, – дед выглядел смущенным. – Никодим Ферн, прадед этой прелестной птички.

– Дед, Ак... Акх... Хиро очень любопытно, как устроен дом на дереве. Покажешь?

– С превеликим удовольствием!

Старичок сцапал ниххонца за широкий рукав и потащил ещё в дом, а я села на деревянную площадку и свесила ноги вниз. Все птицы любят высоту. Я тоже люблю. Правда, почему-то голова начала кружиться и подташнивать, но если вниз не смотреть, то и ничего.

Не знаю, сколько прошло времени, я, кажется, даже задремала, во всяком случае, когда слева от меня опустился дед, а справа – Хиро, уже было почти темно.

– Лина, птичка, а теперь проводи юношу в гостиницу, – мягко напомнил дед. – Он голоден и устал с долгой дороги.

– Ладно, – вздохнула я. – Он сам хотел посмотреть гнездо.

– Хороший мальчик. Как тебе это удаётся?

– Что это?

– Находить таких людей? Твой муж, теперь вот Акихиро...

– Дед, мой муж не был хорошим человеком, – грустно напомнила я, поднимаясь на ноги и замечая, что юбка все еще подобрана. – Он был убийцей, и за это ему отрубили голову.

– Мы следили за твоей судьбой, Авелин-птичка. Твой супруг был хорошим.

– А, ну да, – кивнула я. – Он бы отлично поладил с Фернами.

Среди моей многочисленной родни было немало странных людей, были и убийцы, и воры, и грабители. Поговаривали, что и сам дед Никодим в юности чудил. Надо будет поспрашивать дядюшку.

Я подошла к краю настила, взглянула вниз и отшатнулась. Резко закружилась голова.

– Дед, а можно мы у тебя останемся ночевать? – выдавила из себя я, невольно хватаясь за руку Хиро и закрывая глаза. – Что-то мне нехорошо.

Хиро неожиданно подхватил меня, закинул на плечо и ловко, словно всю жизнь лазал по веревочным лестницам с полупьяными девицами на руках, спустился вниз.

– Теперь-то точно в Золотого Карпа, – сурово заявил он мне, и я, страдальчески вздохнув, потащила его переулками. Так было быстрее.

Фредерик Ферн встретил нас приветливо, предложил для Хиро один из лучших номеров, приказал подать ниххонцу ужин, а потом шепнул мне на ухо:

– Авелин, у тебя, конечно, самые красивые ножки во всем Фулбине, а может, и во всей Эльзании, но опусти уже платье, женщина, а то даже я реагирую, а я, между прочим, твой двоюродный брат. И у меня жена есть.

Мои щеки вспыхнули огнем, и я быстро одернула подол.

– Жаль, – неожиданно прокомментировал Хиро. – Такая была услада для глаз!

Я должна была, наверное, оскорбиться и даже залепить наглицу пощёчину – была бы я графиней Волорье, так бы и сделала. Но сейчас только улыбнулась польщенно.

И домой шла, сдвинув маску на макушку и пританцовывая. Все-таки карнавалы – это прекрасно!

Народу на улицах все ещё было видимо-невидимо, но, поскольку я была уже с открытым лицом, меня не хватали за руки и тянули в хоровод. Не принято. Здесь веселится только тот, кто сам этого хочет.

Теши ещё не было, поэтому я спокойно смыла с себя суматоху дня, завалилась в постель и позволила себе помечтать о своей аптеке и спокойной жизни.

Проснулась от громкого шепота за открытым окном.

– Нельзя, говорю же, – бурчала моя сестрица. – Я ж не одна ночую, с Авелин, будь она неладна!

– Да брось, такая ночь, – отвечал ей мужской голос. – Твоя Авелин точно у какого-нибудь мужика осталась ночевать!

– Авелин? Этот огрызок? Да кому она нужна? Потасканная неудачница!

– Не говори так, твоя кузина очень красивая и приятная женщина.

– Так-то оно так, только кто её знает, кем она на самом деле в Ранолевсе была? Может, шлюхой какой! Строит из себя скромницу, а просто никому не нужна. Никто её не возьмёт здесь!

Этого я стерпеть уже не могла. Распахнула окно и рявкнула:

– Авелин все слышит! А ты, мерзавка малолетняя, постыдилась бы! Что же мне в лицо не скажешь, только за спиной язык свой поганый чешешь? Господин Дьен, вы ведь знаете, что Теше шестнадцать, правда?

– Знаю, конечно, – кивнул сын лавочника с Ивовой улицы. – Я ведь женится на ней собираюсь... собирался... до того, как узнал, что она завистливая и злая, как чайка.

Даже в темноте я видела, как Теша побледнела. Мне стало ее жаль, хоть и совсем немного.

– Комната нужна, да? – смягчилась я.

– Не отказался бы, – осторожно ответил Дьен.

– Ладно, сейчас уйду, – в конце концов, мы, птицы, не придаем особого значения всяким глупым условностям, к тому же парень мне знаком, он серьёзный и честный. Тешу не обидит. Да я уверена, что между ними и не будет ничего, просто пообнимаются. Пусть.

Я надела блузку, юбку и жилетку, и маску прихватила. Карнавальный платё давно в шкафу, там ему и место. Вылезла в окно, холодно посмотрев на глупую Тешку.

– Куда ты, Лина? – робко спросила сконфуженная девушка, протягивая ко мне руку.

– К мужчине, – твердо ответила я. – К красивому мужчине, которому не важно моё прошлое.

4. Ниххонец

Я шла по улице, жадно глотая ночной воздух. Небо надо мной расцветало фейерверками, но сейчас мне не хотелось даже голову поднимать. Злые слова маленькой дурочки разбередили старые раны. Нет, я не была шлюхой. У меня был только один мужчина – короля я не считала. Я была против, я сопротивлялась – это был не акт любви и даже не секс, а унижение и насилие.

Мне сейчас очень хотелось забыться в сильных мужских руках, хотелось целоваться до потери дыхания, хотелось вспомнить, что я живая. Я, кажется, любила своего мужа, но оставила память о нем на границе... словно старые перья.

За меня всегда выбирали.

Ак... Асх... Хиро, в общем, был первым мужчиной, которого я хотела сама, выбрала сама. Он может мне отказать – и я это приму. А может и не отказать, правда? Что я теряю? Он даже лица моего не видел за птичьей маской. И не увидит, если прогонит.

Я постояла под его окном, пытаюсь угадать, не спит ли он. Света в окне не было. Но небо только-только потемнело, можно ли уснуть, если гроыхает, как во время грозы? Подобрала маленький камушек, кинула в стекло. Ничего. Кинула ещё один. Третий камушек угодил прямо в лоб мужчине, рывком распахнувшему окно. Он был гол, и я, хихикая, рассматривала широкие белые плечи.

– Лина? – удивился ниххонец. – Что тебе нужно?

И, поскольку я замолчала и ужасно покраснела под маской, не находя слов, он просто протянул мне руку. Красивую мужскую руку с чётко очерченными мышцами. Я ухватилась за неё и взлетела вверх. Он затащил меня в окно без малейших усилий, а потом закрыл окно. Отошёл, скрестил руки на обнаженной груди и уставился на меня с интересом.

В комнате было темно, только масляная лампа горела на столе, отчего на потолке плясали странные тени. Хиро был в одних широких штанах из белого полотна, низко сидящих на бёдрах.

Подруги часто говорили мне, что у ниххонцев маленькие члены. Не зря ли я всё это затеяла? А вдруг этот красивый мужчина меня разочарует? Ну что ж, опыт есть опыт.

Он по-прежнему молчал, не делая ни малейшей попытки мне помочь, и я решила. Расстегнула жилетку, сняла, кинула в угол. У Фредерико в гостинице чистота, ничего с моей одеждой не будет. Потянула завязки на блузке, распуская ворот, позволяя ткани соскользнуть с плеча. Опустила ладони на пояс юбки. Взглянула на его штаны, с удовольствием понимая, что он не остался безразличным. Сквозь тонкую ткань его возбуждение прорисовывалось вполне отчётливо, и, кажется, я не буду разочарована.

– Позволь мне, – ожил Хиро, плавным движением перетекая мне за спину.

Теперь замерла я.

Он провел руками от моих бёдер вверх, собирая в складки ткань блузки, а потом несильно сжал мою грудь, коротко и жарко выдохнув мне в макушку. Поднялся выше, спуская блузку с плеч. Ниххонец ничего не понимал в наших нарядах, и это почему-то меня радовало. Блузка теперь болталась где-то на талии, а его пальцы осторожно нащупывали крючки корсета. Он заставил меня опереться всем телом на него, а потом подцепил пальцем первый крючок.

От его медлительности я вся дрожала. В голове был сплошной студень. Ещё крючок, ещё. По обнаженной груди скользнул холодок, а следом и длинные сильные пальцы, задевая соски. Я всхлипнула невольно. Его губы захватили в плен моё ухо, чуть его прикусили, и я все же застонала, громко и откровенно.

И вся его медлительность исчезла.

Корсет был отброшен в сторону, завязки на юбке затрещали. Юбка, а за ней и блузка упали к моим ногам. Он опустился на колени, расшнуровывая мои туфли, а потом принялся целовать мой живот, ныряя языком в ямку пупка.

– Сними маску, пожалуйста, – попросил он. – Сама сними.

Я подняла руки и развязала тесемку. Маска улетела туда же, куда и остальная одежда.

Ниххонцы не целуются, я это знала из рассказов подруг. Смешно, я всегда их (подруг, разумеется, не ниххонцев) ругала за любовь к экзотике. Мне казалось, что ложиться в постель с мужчиной только потому, что тебе он любопытен – верх разврата, а теперь сама дрожала от прикосновения чужих рук и губ. Он не стал снимать с меня чулки, отнес в постель так, а белье, разумеется, снял – и свое, и моё. Мне хотелось изучить его тело, но настаивать на своём я не решилась, да и не успела. Он раздвинул мои колени, опустился на меня и плавно вошёл в давно жаждущее его твёрдости лоно.

Нет, он не показался мне маленьким. Идеальный – вот правильное слово. Размеренный. Точный. Он двигался медленно и ровно, будто отрешенно, сводя меня с ума своей неторопливостью. Я ерзала под ним, стонала, билась, как птица – для меня подобный темп был незнаком и почти невыносим. Супруг был совсем иным – стремительным и жадным. Я привыкла к другому. Мне бы получить быструю разрядку и сбежать, но Хиро не позволял ускользнуть, и руку мою, которую я попыталась опустить между ног, чтобы помочь своему нетерпению, перехватил и впечатал в подушку. Напряжение в моем теле нарастало, мне было приятно почти до боли, а он по-прежнему двигался ровно и спокойно, как вода. Я закинула ноги ему на талию, прикусила кожу на плече, радуясь, что он вздрогнул всем телом, сбиваясь с ритма – значит, живой человек, не голем какой-то.

Хиро отстранился, выскользнул из меня, заставляя жалобно заскулить, а потом перевернул меня и приподнял мои бедра, поднимая на четвереньки. Ох, эта поза мне знакома, ее особенно любил мой муж. В ней все происходит очень быстро. Я сейчас настолько возбуждена, что кончу от пары рывков!

Размечталась! Он вошёл в меня плавно, почти нежно, и двигался в том же размеренном темпе, что и раньше, а как только я начала подмахивать бёдрами, крепко вцепился в мой таз, не позволяя пошевелиться. Я стонала, поджимала пальчики ног, царапала простынь, подвывала в подушку, злясь на свое тело, которое никак не могло достичь вершины, а потом вдруг меня захлестнуло с головой. Тело само по себе выгнулось, изо рта вырвался хриплый птичий клекот, в глазах потемнело. Я словно вся запульсировала, и мир взорвался ослепительным светом.

Это было совсем не похоже ни на что, испытанное мной ранее. Перед глазами все плыло, руки ослабли. Его же движения стали, наконец, чуть резче, дыхание шумнее, и через пару минут он выдернул из меня член, и мне на спину и ягодицы потекло горячее семя. Мне было все равно. Сил не было совсем. Я могла только лежать на животе и вздрагивать, когда моей спины коснулась влажная тряпочка, вытирающая пот и сперму.

Пожалуй, это был самый яркий секс в моей жизни, и уж точно – самый приятный. Вот так, до изнеможения, до онемевших пальцев меня муж ни разу не доводил.

– Лиана, ты очень красивая, – шепнул мне Хиро. – Спасибо, что пришла.

Я окаменела. Мне вдруг стало противно от самой себя. И нужно же было повестись на обидные слова глупой девки! Теперь я точно могу считаться шлюхой – сама заявила к незнакомому мужчине и кричала в его руках. Хорошо, что ночь. Днем он меня без маски не видел. Столкнемся на улице – не узнает.

Хиро вытянулся рядом со мной во весь свой немаленький рост, прижал меня к себе и уснул. Дождавшись, когда его дыхание станет ровным, я вывернулась из его рук, осторожно собрала одежду и выскочила в коридор. Быстро натянула блузку и юбку, плюнув на корсет, застегнула жилетку, сунула ноги в туфли, едва не застонав от боли, и поплелась домой. То,

что у меня ни в руках, ни на голове не было маски, вспомнила уже, когда постучалась в двери дядюшкиного дома.

– Явилась, ласточка, – ехидным взглядом смерил меня дядько Амбруз. – Хорошо погуляла?

– Очень, – коротко ответила я, радуясь, что мне давно не шестнадцать.

– Осторожна была, птичка? Не придётся никого убивать?

– Дядюшка, позволь напомнить, мне двадцать шесть, и я вдова. Я вполне могу сама решать, во сколько возвращаться после маскарада.

– Так ласточка моя, я и не спорю, – вздохнул дядя. – Я просто волнуюсь, ты ж мне не чужая. Наделаешь делов, потом сама плакать будешь. Я ж тебя знаю, ты горячая, сперва орёшь, потом ревешь.

Это было настолько правдивым замечанием, что я не удержала злых слов.

– А вы за Тещу лучше волнуйтесь, – криво улыбнулась я. – Она с молодым Дьеном обнималась, а может, и до сих пор в спальне милуется. Мне и идти-то некуда было...

Дядько потемнел лицом, развернулся и бодрой рысью помчался в дочкину комнату. Я прошмыгнула на кухню, прислушиваясь к дикому страусиному реву дядьки и синичьим пискам его глупой дочки. Если она такая дура, что до сих пор не выпроводила своего кавалера – это, в общем-то, не мои проблемы.

5. Аптекарьша

Аптеку постепенно привели в порядок, перекрыли крышу, поменяли полы, вставили новые рамы. К счастью, главное богатство тетушки – сундучок с запрещенными законом веществами – был в полном порядке, а заржавевший механизм мне починил один из родственников. Бесплатно, разумеется, потому что сегодня роль "сиротки" досталась мне. Я сначала пыталась спорить, уверяла, что у меня есть деньги, но дядюшка Амбруаз отвел меня в сторону и деликатно попросил не лезть в мужские дела, потому что я, во-первых, женщина, попавшая в беду, а во-вторых, будучи в Ранолевсе, я исправно помогала семье, ежемесячно высылая кругленькую сумму в золоте. Оказывается, тетушка эти деньги не копила и не тратила на себя, а раздавала нуждающимся членам семьи, тот самый холодильник дяди Амбруаза был куплен на мое, а точнее графа Волорье, золото.

Словом, все для меня было бесплатно, и крыша, и полы, и окна, и даже новые стеллажи. Не пришлось мне торбу резать.

Настал день, когда я торжественно застелила новую, пахнущую деревом кровать свежим постельным бельем, развесила вещи в своём шкафу и расставила на туалетном столике всякие скляночки.

А вывеску над аптекой уже покрасили, и я, смеясь, учила Тешу вести учёт товара. С ее смазливой мордашкой покупателей явно будет немало. Но про сундучок она не знала, и деньги ей доверять было страшно, хотя выбора у меня не было. Кто-то должен работать в аптеке, пока я буду собирать травы и готовить отвары и настои.

Знала я немало, пожалуй, больше, чем когда-то знала тетушка. Не зря Ральф все время подсовывал мне травники и медицинские трактаты. Лекарем мне не стать – меня до сих пор от вида крови воротит, а вот притирания делать умею, да и лубок наложу при необходимости. А про яды и противоядия вообще молчу. Наверное, ни один аптекарь в Эльзании со мной в этом не сравнится.

Ввязываться снова в столь опасные дела я не собиралась. Все "убийственные" зелья я продала хозяину "Кота и микстуры". Яды в притертых флаконах хранятся годами, но я даже не хочу думать о том, что мое зелье может забрать чью-то жизнь. Долго сундучок не пустовал, я заполняла его редкими, но такими нужными порошками: для лёгких родов, для лечения некоторых опухолей, ну и конечно, самыми разными противоядиями. Зря я, что ли, наизусть заучивала симптоматику отравлений и оказание первой помощи?

А Теша оказалась неплохой помощницей и приходила ко мне на работу охотно. Во-первых, я ей платила. А во-вторых, при мне можно было спокойно болтать с юным Дьеном. Я им не мешала общаться и закрывала глаза на сплетенные пальцы и украденные поцелуи.

От грандиозного скандала мою младшую кузину спасло только то, что врач подтвердил её невинность. Дьен её не обесчестил. Он и в самом деле любил эту дурочку и даже под гнетом родительского гнева не отказался от желания взять ее в жены. Ждать ему ещё два года, следили за Тешкой почище, чем за кошельком с деньгами в базарный день, но он не отчаивался. Когда было время – сидел с нами в аптеке. Ужинать постоянно к дядьке приходил, не стесняясь ничего, правда, часто со своими пирогами или кофеем в банке, или чаем каким редким, поэтому запретить ему приходить в гости ни у кого язык не поворачивался. Дядько даже задумчиво замечал, что зять из юноши получится отменный, второго такого ещё поискать, не упустить бы парня.

Сегодня мы с Тешей были вдвоём, Дьен с отцом укатили за товаром. Девочка стояла за прилавком, а я варила настои в кухоньке. Это только кажется, что микстура от кашля летом не нужна, а на самом деле ещё как нужна. Много детишек накупаются, набегаются, налопаются мороженого, а потом родители ко мне приходят за травками.

– Лиана, тут опять ниххонец явился, – заглянула ко мне Теша.

Я чихнула и недоуменно на нее уставилась.

– Я не сказала, да? – в глазах девицы ни капли раскаяния. – Он вчера приходил, когда ты в лес ходила.

– Ниххонец? – отмерла я, снимая фартук. – Высокий, красивый, с длинными волосами?

– Насчёт красивого не знаю, не в моем вкусе. Но да, высокий и с волосами.

Не так уж много в Фулбине ниххонцев, мне известно всего о трех. Про Хиро, разумеется, я тоже слышала – он начальником городской стражи нанялся. Я его даже пару раз на улице встречала, но он меня не узнал, и слава Богу. И теперь не узнает. Наверное.

– Здравствуйте, – вышла я за прилавок. – Что-то особенное ищете?

Он замер, чуть склонив голову, прищурил и без того узкие глаза, разглядывая меня, а потом кивнул удовлетворенно и положил передо мной какую-то бумагу. Узнал? Не узнал?

Сердце у меня колотилось и ладони вспотели. Я боялась глядеть ему в лицо. О той ночи я не жалела ни капли, но прекрасно понимала, что он обо мне тогда подумал, поэтому осторожно притягивала к себе листок. Ниххонская письменность довольно сложная, но мне знакома. Рецепт снадобья, укрепляющего дух и тело, я прочитала без труда. Более того, я прекрасно знала, что это, даже вкус его был мне знаком. Какие-то ингредиенты у меня были на полках, какие-то можно было купить в "Коте и микстуре". Ничего сверхъестественного.

– Вы хотите, чтобы я это сделала? – уточнила я, опрометчиво поднимая глаза. – В каком количестве?

Он улыбался уголками губ, разглядывая меня. Под его взглядом я залилась краской и принялась нервно тереть прядь волос, выпавшую из короткой косы.

– Мне нужно двенадцать порций, – спокойно сказал Хиро. – Каждый день в течение двух недель. Зелье быстро выдыхается, поэтому нужно свежее.

– Если добавить лимон и мед и варить в три этапа, то снадобье может стоять неделю в темном месте, – сообщила я. – Свойства сохранятся.

– Что вы можете знать о ниххонских эликсирах? – надменно спросил воин.

– Я читала трактат Орай на ниххонском. Копию, конечно. Я знаю не так уж и мало.

– В кодексе Орай не было ни меда, ни лимона.

– Разумеется. Это моя личная разработка.

– Я желаю свежее каждое утро. Если вы настолько опытный мастер, то для вас не трудно его приготовить.

– Хорошо, я поняла. Дайте мне два дня, и я достану все компоненты и назову вам цену.

– Отлично, я приду послезавтра.

Он ушёл, а я обессиленно опустила на стул, обмахиваясь его листом. Все же не узнал. Или узнал, но вида не подал – а это значит, что я ему неинтересна. Оба этих варианта показались мне обидными, и хотя пару минут назад я готова была молиться, чтобы он ушёл, то теперь с досадой кусаю губы.

– А что за зелье-то? – с любопытством спросила Теша, выхватывая у меня листок. – Не понятно же ничего!

– А помнишь, много лет назад я тебе говорила, что нужно учиться? – усмехнулась я. – Вот теперь ты знаешь, для чего.

Теша промолчала, потом заглянула мне в глаза и спросила:

– А граф?

– Что граф?

– Он был плохим?

– Человеком? Да не сказала бы. Меня он любил... по-своему, – я потерла щеку, стиснула зубы, а потом подумала, что девочке уже шестнадцать. Если бы мне кто-то объяснил тогда! – Я всегда была в его глазах дикаркой. Он был очень строг со мной. Воспитывал... я очень его

любила, но это была неправильная любовь. Зависимость. Понимаешь, когда в браке один приказывает, а другой не может возразить, это уже рабство.

Теща помолчала, а потом серьёзно сказала:

– Дьен обо мне заботится. Ему всегда важно, чтобы мне было хорошо. Знаешь, я тебе страшно завидовала. Мне казалось, что граф – это очень круто. Что ты как сыр в масле катаешься. Что тебе не нужно посуду мыть и за мелкими следить. А потом ты вернулась, и все вокруг тебя носятся, а ты даже не плачешь и не стыдишься, что пришлось вернуться. Прости меня, я наговорила много лишнего из ревности.

– Знаешь, Теш, я вернулась домой с радостью. Мне здесь по-настоящему хорошо. В Ранолевсе у меня было всё: деньги, драгоценности, слуги... наряды, балы, королевская милость. Но не было самого главного – любящей семьи... и свободы. Там я постоянно жила в страхе: не оступиться, не сказать лишнего, не ошибиться. Прости за такую тему, Теш, в туалет там ходили по протоколу. В общем, я туда ни за что больше не хочу.

– Прости меня, – снова с несчастным видом попросила Теща. – Я была глупа и зла.

– Конечно, прощаю, моя хорошая, – я была приятно удивлена её словам. – А сейчас хватит сидеть, за работу. Пыль сама себя не вытрет, и деньги счет любят.

– А ты меня научишь травы различать? – с надеждой спросила Теща. – У тебя ведь детей нет... кому-то придётся оставить аптеку. Почему бы и не мне? Я буду стараться!

– Ах ты выпь дохлая, – взвилась я. – Мне всего двадцать шесть! Аптеку ей оставить! Не рановато ли ты меня хоронишь?

6. Начальник городской стражи

День прошёл плодотворно. Тешка ни разу не ошиблась в счёте денег, я заметила, что она вообще с деньгами обращается очень умело, потом она помогала мне растирать сушёные травы и пробовала варить простейшую микстуру от кашля. Я же всерьёз задумывалась о том, чтобы делиться доходом с метром Бозье, молочником. Его мороженое было великолепно – и поэтому микстура от кашля расходилась как пирожки.

Успела я сбежать и до "Кота", попросила нужные травы, которые я просто не успела заготовить. Ничего, в следующем году займусь. Поставила настаиваться сироп алтея, замочила корень солодки, помыла посуду и дровяную плиту. Один из моих мелких кузенов притащил мне ужин. Тетка Аглая меня любила, баловала, подкармливала. Правда, я подозревала, что она просто хотела, чтобы я наела себе бока, а то ей ещё Тешу замуж выдавать, а тут я красивая и свободная, да еще со своей лавкой, под ногами болтаюсь. Тем более, что Дьену двадцать три, не такая уж у нас с ним и разница в возрасте.

Мне же Дьен казался сущим мальчишкой, хотя и умным. Для меня слишком юн, а для Теши... ну, если она за разум возьмётся, то они счастливой парой будут.

Я заперла аптеку, опустила бумажные занавески, убрала мелкие деньги в металлический ящик. Крупные уже давно отнесла дядюшке, он положит их в банк. Погасила масляные светильники, ласково коснулась кончиками пальцев деревянных полок. Мой дом, мой покой. Я здесь счастлива.

Поднялась по чуть скрипящей лестнице в спальню, разделась, смыла пот и натянула свежую хлопковую ночную сорочку.

Ральф настаивал, чтобы я спала голой, чтобы была доступной в любой момент, а я, привыкшая к скромности, от этого очень страдала. По приезду домой я купила дюжину сорочек и упорно в них ложилась спать. Правда, в такую жару ночью скидывала, даже не просыпаясь, но это было и неважно.

Я затворила окно, оставив приоткрытой лишь створку, полюбовалась ночным небом, улыбнулась шелесту листьев. Редко мне удавалось поймать перышко счастья, но сегодня был именно тот вечер.

Только я растянулась на белых простынях, только задремала, в окне что-то звякнуло. Меня мгновенно охватил липкий ужас. Гвардейцы! Гвардейцы короля пришли за мной! Ах нет, я же в Эльзании, здесь нет гвардии.

Снова камушек в стекло. Уже не страшно: вряд ли пришедшие меня арестовывать станут деликатно постукивать в окно. Осторожно поднялась, выглянула и судорожно выдохнула: снизу стоял Хиро и чуть заметно улыбался своей загадочной улыбкой.

История повторялась, только теперь не я к нему пришла, а он.

Я широко распахнула окно и отступила. Что говорить, я не знала.

– Я не акробат, мне в окна лазать не положено, – громким шёпотом сообщил ниххонец. – Открывай дверь.

– А вот и не открою, – показала я ему язык. – Я защитный контур активировала. Хочешь – лезь в окно. Не хочешь – проваливай.

Он огляделся, а потом решительно развернулся и ушёл. Ушёл? Я разочаровано поджала губы. Что ж, пусть идёт к черту тогда. Я не навязывалась. То же мне, а еще ниххонец, смелый и изобретательный воин!

На окно аккуратно легла деревянная лестница, в которой я не без смущения узнала дядюшкино имущество. Хиро ловко по ней вскарабкался и запрыгнул в комнату, а потом оттолкнул её от стены, с любопытством наблюдая, как она упала в кусты.

– Контур, говоришь? – мурлыкнул он. – Какая жалость, что лестница упала. Теперь придётся остаться до утра.

Он шагнул ко мне вплотную, подцепил пальцем завязки на вороте сорочки и, пристально глядя мне в глаза, распустил их. Едва касаясь моих плеч, убрал волосы от лица, отодвинул ткань и склонился, чтобы поцеловать в шею. Я вздрогнула всем телом. Сорочка стекла с плеч на пол, я даже не пыталась её удержать. Мы оба прекрасно понимали, зачем он здесь. Оба этого хотели.

– Поцелуй меня, – шепнула я.

– Не умею, – серьёзно ответил он. – Научи.

Я поднялась на цыпочки, обвила руками его шею, зарываясь в гладкие жёсткие волосы, прикоснулась губами к его губам, облизнула, проникла языком в его рот. Он оказался отменным учеником, повторяя мои движения. Ещё немного, и он уже перехватил инициативу, настойчиво лаская мой рот и сжимая плечи.

– Сегодня я буду главной, – оттолкнула я его. – Ты пришёл ко мне. Мои правила.

– Ну попробуй, бакэ она¹.

– Перед тобой я без маски, – возразила я. Я знала ниххонский и отлично его понимала.

Он отступил на шаг и опустил руки, сдаваясь на мою милость.

На Хиро было всё то же шёлковое кимоно. Отлично, я много раз пыталась представить, что под ним. Развязала обмотанный дважды пояс, сложила его и положила на стол. Ниххонцы очень трепетно относятся к одежде. Мне не хотелось сейчас все испортить. Запустила руки под верхний халат, с улыбкой понимая, что мой ниххонец вовсе не строго соблюдает традиции. Под чёрным шелком была обычная нательная сорочка из батиста. Стянула с него халат, бросила на стул. Сильные плечи, мускулистые руки... так хотелось прижаться к его груди, уткнувшись носом в шею. Я не стала себя лишать этого удовольствия.

– Ты меня нюхаешь, – с удивлением заметил Хиро.

– Ты потрясающе пахнешь, – сообщила я. – Солнцем. Травами. Мужчиной.

Рубашку снять я с него никак не могла, слишком он был высок, зато задрать её и опуститься на колени, целуя твёрдый живот – запросто. Он, понимая мое затруднение, сам стянул рубашку через голову и откинул прочь. Хм, кажется, я не слишком хорошо понимаю ниххонцев.

– Загадочная, ты мне мстишь? – почти простонал Хиро, когда я, покусывая его живот и бока, играла шнуром от штанов. Тоже, между прочим, из тонкого хлопка, не из шёлка. Чёрная ткань давно топорщилась.

– Разве что немного, – хмыкнула я, с удовольствием проходясь языком по коротким чёрным волоскам внизу его живота. – Просто ты вкусный.

– Я мылся, прежде чем идти к тебе, – сообщил он, нерешительно опуская руку на мои волосы и пропуская их сквозь пальцы.

Я хихикнула и распустила пояс штанов, стягивая их и наконец рассматривая тот самый ниххонский "короткий меч". Подруги мне явно лгали, наверное, чтобы не расстраивать меня. Все у ниххонцев в порядке с размерами.

Я осторожно провела пальцами по члену, а потом, прикрыв глаза, вобрала его губами. Пальцы в моих волосах сжались крепче, но я не возражала. Наслаждаясь вкусом его кожи, ощупывая языком неровности и складочки, я медленно скользила ртом по члену, вбирая его всё глубже. Да, я мстила. Он был медлителен и нетороплив, он мучил меня, не давая разрядки, так пусть же поклюет своего собственного зерна.

Вот только лаская его, я уже сама возбудилась так, что застонала, когда он осторожно собрал мои волосы в горсть и потянул наверх.

¹ Бакэ она (нихх.) – женщина-маска

– Знаешь, за что ниххонцев не любят в мире? – шепнул он мне в губы. – Мы очень мстительные. И очень изобретательные в мести.

Я ахнула, когда Хиро легко приподнял меня, подхватывая под ягодицы, заставляя широко развести колени и обхватить его бедра ногами. Качнулся, проникая в меня одним движением.

– Я буду долго тебе мстить, – обещал он, тяжело дыша. – Очень долго.

Но долго в этот раз не получилось. Его движения никак не ложились в ритм, он постанывал, насаживая меня на себя, а потом спустил с рук, уложил животом на стол, безжалостно сметая на пол и мои бумаги, и масляную лампу, и свой пояс, и начал вбиваться яростно и быстро, заставляя меня кричать. Его самоконтроль явно полетел к чертям, и я получала от этого ещё больше наслаждения. Он даже не успел выйти из меня, наполняя горячим семенем мое лоно и хрипло рыча, словно зверь. И не остановился сразу, продолжая движение, пока я не застонала, изо всех сил цепляясь пальцами за край стола.

Хиро уткнулся мокрым от пота лбом мне между лопаток и тихо засмеялся.

– Черт возьми, я сделал все неправильно, – выдавил из себя он. – Не выдержал и четверти часа, сбился, причинил тебе боль, достиг вершины раньше тебя. И ни капли не жалею.

– Мне было хорошо, – усмехнулась я. – И вовсе не больно.

– Я знаю, – в его голосе звучало самодовольство. – Но я все равно должен исправиться.

– Кому должен?

– Себе, наверное.

– Ладно, исправляйся, – милостиво согласилась я. – Но сначала в ванную.

Он исправлялся долго и на этот раз все делал по своим дурацким ниххонским правилам – так, что я снова билась под ним, кусалась, умоляла пощадить, а потом лежала почти без чувств и едва не плакала от того, что все тело ныло от блаженства.

Проснулась от того, что стало холодно. Вдвоем в постели было жарко, мы были потные, а простыни – так и вовсе хоть выжимай. По влажному телу скользнул ветерок, по спине пробежали мурашки. Я приподняла голову от подушки, наблюдая, как он натягивает штаны.

– Прости, у меня утреннее построение, – виновато сообщил Хиро. – Я все же начальник стражи, люди не поймут, если я не явлюсь, начнут искать.

– Ты придешь вечером?

– А тыпустишь? Через дверь?

– Приходи днем, и я внесу тебя в защитный контур.

– Доверяешь?

– Если не доверять начальнику стражи, то кому вообще можно доверять? – философски заметила я, переворачивая подушку. – Давай, проваливай. Контур тебя выпустит, он только на вход работает.

Он прищурился, обещая мне взглядом самые страшные кары, завязал волосы в узел моим шнурком, который он подобрал на полу, кивнул и вышел. Я потянулась и тут же подскочила, услышав снизу голоса.

– Нет, аптека ещё закрыта, – громко сказал кому-то Хиро. – Хозяйки нет.

Застонала, уронив голову на подушку. Отлично. Теперь слухи разлетятся по городу, как перья после голубиной драки.

7. Такое сложное имя

Уснуть снова мне не удалось. Постель была мокрой и неудобной, и в голову лезли разные мысли. В довершение всего в животе заурчало. Надо вставать.

Завтракала я обычно с семьёй дядюшки – исключительно потому, что крошечную кухню всю заставила банками, склянками и решетками с травами. На обеденном столе красовался перегонный куб, на подоконнике – самогонный аппарат (о, исключительно для очистки спиртовых настоек!). Полки в шкафчике были поделены под временные периоды: сверху стояли зелья, которые нужно настаивать пару месяцев, снизу – которым достаточно нескольких дней. Разумеется, из продуктов у меня в кухне были только яблоки и иногда хлеб с молоком.

– О, Лина, птичка моя ранняя, – поприветствовал меня дядя Амбруз. В кухне, кроме него, никого не было, все еще спали. – А ты не слышала, что ночью было?

– А что было? – придушенно спросила я, соображая, было ли закрыто окно, не слышала ли мои стоны вся улица.

– Так новый начальник стражи Акихиро Кио, ну, ниххонец, за лестницей прибежал. Что-то про задержание преступника буркнул. Вот где мне теперь свою лестницу искать?

Дядя взглянул на меня с хитрым прищуром, а я, побагровев так, что даже уши зажглись огнем, призналась (все равно если не к полудню, то к завтраму весь город знать будет):

– У меня в саду твоя лестница. В кустах. Я скажу Хиро, чтобы принес вечером.

– Ай да племянница, – фыркнул довольно дядюшка. – Такого коршуна в силки словила! А я ещё думал, неужто к Ларке из синего дома помчался или, может, к Доле, портнихе... Про тебя, признаться, и не сразу вспомнил.

– Что же, я недостаточно хороша для ниххонца? – сразу прекратила смущаться я. – Хуже Доли?

– Так ты у нас не горлица, орлица. Графиня бывшая. С чего тебе простого стражника в спальню пускать?

– Положим, не простого, – возмутилась я. – А самого красивого!

Дядько расхохотался так, что чаем облился. Сверху послышался гневный крик тетки Аглаи – что-то про бессовестных мужчин, что выспаться бедным труженницам не дают. Дядько быстро сбежал в лавку, оставив мне разлитый чай и крошки на столе. Я убрала, конечно, про себя обозвав его жуком навозным. И кашу сварила. С мёдом и орехами, как люблю я и дети, и терпеть не может Аглая. Тетка, конечно, ворчала, но как-то неискренне. Ей явно было приятно. Ну а я что, мне не сложно – я еще и посуду помыла. Раз уж я у них решила столоваться.

Начальник стражи пришел днем, как я просила, невозмутимый, с каменным, ничего не выражающим лицом, и громко спросил про заказанный настой. Я отмахнулась – не до него было. У меня на плите кипела патока для пастилок от кашля.

– Теша, внеси в контур господина Кх.. Акх...

– Акихиро Кио, – вежливо подсказал Хиро.

– Ага.

– Зачем? – не поняла Теша.

– Затем, что он начальник стражи. Так положено.

– Кем положено? – с подозрением спросила девушка. – Тетушка никогда никого не вносила, даже меня. И отец никого, кроме семьи, в контур не вносит.

Пришлось переставлять ковш и выглядывать в зал (зал, конечно, громко сказано – тут едва несколько человек разойдется, после того, как я часть помещения отделила под склад). Взглянула на серьезного Хиро, в глазах которого плясали бесенята. Он явно забавлялся каждой минутой этого прекрасного диалога.

– Теша, кто здесь хозяйка, ты или я?

– Ты, конечно, но...

– Вот и вноси... а, черт с тобой, – я подобрала юбку и выползла из-за прилавка, перешагивая через стоящие на полу ящики. – Ладно, иди вари пастилки, курица. Сама внесу.

– Так я не умею!

– А чего там уметь-то, рецепт же на стенке. Анис от гвоздики отличаешь? Ну вот. Вперед, дорогуша.

Я повесила на дверь табличку «перерыв на 15 минут», кивнула Хиро и отодвинула картину с нарисованным на ней одуванчиком лекарственным. За ней висел охранный медальон. Покрутила колесико, выбрала риску «добавить существо», взяла Хиро за руку и приложила его пальцы к медальону. Он немедленно воспользовался ситуацией, обхватив меня свободной рукой за талию, и прижался со спины, щекоча дыханием мое ухо. Пальцы, лежащие на медальоне, переплелись. «Укусило» обоих одновременно, он даже вздрогнул от неожиданности.

– Образец тканей взял, – шепнула я.

– Да я понял, не первый раз такую штуку вижу. Забыл просто, как это больно.

Я стояла, впитывая тепло его тела, не желая даже на шаг отступить. Медальон зажужжал и потух, а я все еще не шевелилась. Хиро решил все за меня: поправил картину, развернул меня, нежно провел костяшками пальцев по моей щеке, а потом склонил голову и прильнул к моим губам. Я вся вспыхнула, вцепилась в отвороты кимоно, приподнялась на цыпочки, отвечая на поцелуй. Его руки скользнули по спине, сминая ткань моей блузки, губы спустились на шею, обжигая и лаская. Я запустила ладони в широкие рукава из шелка, глядя его предплечья. Он же вклинил колено между моих ног, чуть нажимая.

Из вязкого безумства нас вывел крик Теши с кухни:

– Аааа, оно убегает!

Я отскочила, поглядела на Хиро с ужасом во взгляде и побежала на кухню спасать пастилки, если там оставалось еще, что спасать.

В самом деле, безумие! Для чего мне мужчина? Я не хочу снова в клетку, а отношения – это именно она. Но ведь ночи вдвоем – это еще не отношения? Это всего лишь ночи вдвоем. Всего лишь игра. Я никогда не играла в любовь, так может – самое время? К тому же Хиро такой хороший, такой понятный. В нем нет двойного дна – какое было в моем муже, какое есть во мне. Хиро – просто Хиро.

Он пришел вечером, усталый, лохматый, нервный.

– Прости, – сказал ницхонец. – День тяжелый. Ты мне зелье сварила?

– Разумеется.

– Вояки в Фулбине – не приведи боги войну. Саблю держать не умеют, о технике боя ничего не знают.

– А зачем им? – легкомысленно спросила я. – Здесь не столица, да в Фулбине даже преступников нет! Это маленький городок, здесь все друг друга знают!

– Ты за политикой вообще не следишь?

– Неа, зачем мне?

– Хм, не знаю. Лина, я могу воспользоваться уборной?

– Я тебя в защитный контур внесла, можешь даже кухней воспользоваться, – легкомысленно махнула рукой я.

Он усмехнулся и ушел в ванную комнату, а потом оттуда послышался плеск воды. Мне стало любопытно, я прокралась к двери и заглянула в щелку.

Ницхонец лежал в моей ванне голый, выставив наружу длинные ноги, и что-то напевал. Вот это наглость!

– Эй, у тебя в казармах воды горячей нет? – возмутилась я. – Ты не очумел? А я как буду мыться теперь? Ты мне всю горячую воду извел!

– Я извел, я принесу.

– Принесет он, – подбоченилась я. – У меня тут бочка металлическая, она на крыше. На солнце греется. И насос к колодцу подведен. Не принесешь, а накачаешь. Но это теперь завтра, сегодня уже не нагреется.

– Лина, птичка, но ведь тебе нравятся чистые мужчины! – в голосе Хиро ни малейшего раскаяния.

– Мне нравлюсь чистая я, – отрезала я.

Он повернул голову, улыбаясь – и у меня аж сердце зашло: знает, чертяка, что красивый, и беззастенчиво этим пользуется. Ну так и я воспользуюсь, в конце концов – мой дом, моя ванна, моя теплая вода! Потянулась к вороту блузки, распустила тесемки, сняла ее и бросила в плетеную корзину в углу уборной. Спустила юбку и отправила ее туда же. Ниххонец приподнялся, чтобы лучше видеть.

– Ты меня соблазняешь? – недоверчиво спросил он.

– Я? Вот еще не дело. Я просто собираюсь вымыться перед сном.

– Занято.

– Потеснишься.

Я отбросила в сторону корсаж, стянула панталоны и подошла к ванной. Хиро, к счастью, не стал медлить, потому что я не привыкла выступать в роли соблазнительницы и уже готова была развернуться и сбежать. Нет, он подхватил меня и затащил в ванну, усадив между своих разведенных ног. Я, конечно, взвизгнула и принялась сопротивляться – не сильно, только для вида, а он, конечно, меня не отпустил.

Волосы у меня так и не отросли. Ральф требовал, чтобы я красилась в блондинку, он считал пепельный оттенок вульгарным. В тюрьме краситься было нечем, да и не зачем, там и помыться не всегда удавалось. Волосы прилично отросли. Я их потом обстригла без всякой жалости. Сейчас они доросли до плеч и благодаря моим снадобьям были густые и шелковистые. Но короткие.

Хотя Хиро они явно нравились, потому что он сразу же запустил в них пальцы, перебирая, а потом принялся целовать мне шею. Нежно, горячо, волнительно.

– Я хочу тебя намылить, – хрипло сообщил он.

– Не нужно. Мне просто сполоснуться.

– Но я хочу! – он прикусил кожу мне на шее, видимо, чтобы я не сопротивлялась – и запомнил же, гад, что я и сама люблю кусаться!

По плечам и груди пробежали мурашки, грудь сладко заныла. Он набрал в ладони мыльного настоя и скользнул по телу пальцами, не обходя вниманием ни грудь, ни бока, ни косточки на бедрах.

– Хорошо иметь длинные руки, да? – не удержалась от ехидного замечания я.

– Очень хорошо, – согласился он, поглаживая меня между ног. – Смотри, я везде достаю.

– Прекрати, – простонала я.

– Прекращу при одном условии.

– Каком?

– Ты выучишь, наконец, как меня зовут.

– Хиро.

– Неправильно, я Акихиро, – его пальцы стали более настойчивыми, почти грубыми, но я не возражала.

– Акх...

– Неправильно, – вторая рука подтянула меня выше, а пальцы осторожно проникли в лоно, лаская и растягивая стенок. – Повторяй за мной. А-ки...

– Ах... Я не могу!

– Я так и знал, – довольно пробормотал ниххонец, заставляя меня сесть и прогнуться в спине, а потом просто поднял за бедра и усадил уже на свой «короткий меч», вполне готовый к бою.

Вода плескалась вокруг, остывая, стекая на пол, но кого это волновало! Мокрые ладони то и дело соскальзывали с бортиков, за которые я цеплялась в попытках хоть как-то сохранить равновесие.

– Акихиро, пожалуйста, – жалобно захныкала я, не зная, чего прошу.

Он стиснул моя талию, с явным сожалением снимая меня с себя, потом встал сам и отнес меня в спальню, где несколько раз закрепил результат своего обучения.

8. Идеальный мужчина

– Хой!

Двадцать обнаженных до пояса городских стражников делают выпад на правую ногу, сгибая левую.

– Хой!

Выхватывают из-за спины деревянные мечи.

– Хой!

Рассекают воздух со свистом, описывая идеально ровный полукруг.

– Плохо! – недовольно кривит губы начальник стражи. – Петрес-первый, не та нога. Блю, меч выше, зачем ты в землю его втыкаешь? Корг! Ты молодец, идеальный удар. Повторяем. На исходную позицию! Хой!

Тела юношей блестят от пота. Глаза зрительниц блестят от удовольствия, и я сегодня среди них. Юношам приходится нелегко, но только я и Хиро знаем, насколько плохо им будет завтра. Ниххонское зелье, которое он утром забрал, нужно для усиленных тренировок. Оно помогает быстро привести тело в идеальную форму. Быстро и очень болезненно, поэтому подобные приемы использовать можно не больше месяца. Я когда-то протянула неделю. Хиро собирается мучить своих бойцов целых две. Завтра ребята будут передвигаться, охая как старики. Потом будет полегче, но ненадолго.

Кстати, настой у них хотя бы вкусный, с медом и лимоном, по моему рецепту. Хиро признался, что каждый день собирался приходить только для того, чтобы увидеть меня, но раз уж он все равно ночует в моей спальне, то и утруждать мне не стоит лишний раз.

Начальник городской стражи строг, даже жесток. В первые же дни после своего назначения он перевел треть стражников в запас, на архивную работу, заявив, что там от них пользы будет больше, и набрал совсем юных мальчиков. Младшему было не больше пятнадцати. Несколько юношей из Фернов пришли ко мне, умоляя замолвить за них словечко – но я их отговаривала, как могла. Не вышло, двое из них сейчас делали «хой» среди стражников. Ну-ну. А тетка Авелин предупреждала.

Такое представление в парке возле ратуши каждое утро. Сначала Хиро тренировал бойцов во внутреннем дворе казармы, но мы с дядько Амбруазом посоветовались и решили, что в парке оно всяко выгоднее, ведь у самой ратуши булочная моей троюродной тетки Илин, в девичестве Ферн. Тем более, что время тренировок очень удачно совпадало с открытием пекарни. Хиро посмеялся над нашим планом и согласился с условием, что его в булочной будут обслуживать с хорошей скидкой. Илин согласилась и не прогадала. Сначала поглазеть на тренировки сбегались детишки со всей округи, им же скучно, а тут – такое развлечение! Потом подтянулись их родители. Сейчас, в основном, приходили молодые девчонки и матроны постарше – за хлебушком к завтраку, разумеется, приходили – и мы с теткой Илин только руки потирали.

Я тоже приходила, мне теперь здесь булки давали бесплатно. Не больше трех в день, правда, ибо тетка Илин тоже умела считать деньги. Но и три булки – тоже хлеб, всей дядюшкиной семье на день хватало.

Полюбовавшись своим мужчиной (теперь я тоже заделалась ранней пташкой и сама бегала за хлебом с утра, чем немало радовала засоню Тешу), я зашла на рынок за зеленью к обеду и вернулась домой. Зашла в дядюшкину кухню и обомлела: за столом уже сидел Хиро – умытый и в свежей безрукавке. Кимоно аккуратно висело на гвозде возле двери.

– Это что еще за новости? – удивилась я. – А что ты тут забыл?

– Я в аптеку забегал за примочками и бинтом, у меня братья Петресы подрались. Тебя не было, но твой дядюшка любезно пригласил меня на завтрак. Отказываться мне было неловко.

Неловко, как же, а то я не вижу, как блестят у ниххонца глаза! Он доволен как козодой на болоте. Что ж, пригласил и пригласил, не я тут хозяйка. Так что завтракали мы вместе, потом вместе же прошли в аптеку за примочками, где целовались до потери дыхания, а потом едва не своротили прилавок. Если бы в дверь долбиться покупатели не начали, Хиро бы точно опоздал на работу.

– А много у тебя было женщин? – спрашивала я Хиро, удобно расположившись на его плече.

Никакому другому мужчине я бы не осмелилась задать подобный вопрос, но ниххонец... он особенный.

– Технически? – лениво спросил Хиро, накручивая на палец мои волосы. – Или по-настоящему?

– А технически – это как?

– Ну... у меня была женщина. Я жил в деревне, учился... всякому. Женщина тоже меня учила. Я её днем, при свете, даже не видел. Не знаю, какая она, даже не представляю. Думаю, что молодая – кожа гладкая была.

– Ничего себе! – изумилась я. – Так бывает?

– В Ниххоне всякое бывает, там свои традиции. Я не в обиде, мне нравились эти уроки.

– Ты поэтому такой упертый?

– В смысле, упертый?

– Ну, едва ли не время засекаешь, все по правилам...

– По регламенту. Да, мужчина должен сначала доставить удовольствие женщине, а потом кончать сам. И не менее тридцати минут. И еще последовательность ласк...

Дальше я не слушала, потому что хохотала, а потом принялась его целовать и щекотать, уверяя, что регламент – это полная глупость.

– Именно поэтому ты стонешь так, как будто умираешь от блаженства, когда я люблю тебя, как положено, да? – хитро прищурился ниххонец, поймав мои руки. – Еще скажи, что тебе не нравится!

– Нравится, – призналась я смущенно. – Мне вообще всё в тебе нравится. Ты идеальный. Он почему-то застыл, сжимая зубы, а потом как-то вымученно сказал:

– У меня очень странные увлечения, Лина. Ты бы не поняла.

– Расскажи! – оживилась я.

– Ну нет, – мотнул головой Хиро. – Лучше ты расскажи, много ли у тебя было мужчин?

– Ты второй, – просто ответила я.

– Шутишь? – он аж приподнялся, чтобы заглянуть мне в лицо. – Но ты сама пришла тогда... почему?

– Хиро, ты очень красивый, – мягко ответила я. – А мне было в тот вечер очень плохо. Меня обидели. Ну, и я выпила, если уж совсем честно.

– Покажи мне человека, который тебя обидел, и я его расцелую. Потом убью, но сначала расцелую. Ты мне тоже понравилась, такая живая, смешная... и ноги у тебя потрясающей красоты.

– Только ноги? – надулась я.

– Ну, лицо я не видел. А фигуру сразу оценил. И смелость. И то, что ты говоришь по-ниххонски. В Эльзании почти никто не говорит.

– Я жила в Ранолевсе. Там много ниххонцев. Выучила.

– Я рад. Может, кого-нибудь я отвезу тебя в Ниххон... в горы.

Ой, сомневаюсь, мне и здесь хорошо. Здесь моя стая, а в Ниххоне кто? Хиро? Ну... может быть.

– Спи, болтун, – напомнила я. – Тебе утром на построение.

Он улыбнулся и закрыл глаза, а я вдруг поняла, что он очень технично ушёл от моего вопроса по поводу его женщин.

Я так и не поняла, как вышло, что Хиро переехал ко мне. Сначала он принёс сменную одежду, потом свою катану – сказал, что в казармах её все лапают, а он нервничает, потому что это его личное оружие, почти часть души. Катана боевая, на узких улицах города ей не место, короткий меч куда удобнее. Здесь, у меня на стенке, она будет в полной безопасности.

Я только плечами пожала: висит и висит, мне не мешает. Потрогать иногда приятно. Но когда на моем столе появились его бумаги, когда я начала спотыкаться о его сандалии, я всё поняла. Узкоглазый обманщик действовал исподтишка, шёл к своей цели маленькими шагами. То кимоно (кстати, у него несколько одинаковых), то его исподнее в моем комодике и на моих веревках в саду, то купленные по случаю циновки на пол и подушки, набитые овечьей шерстью... хитрец!

Я хотела даже устроить скандал и выгнать его к черту, но каждый вечер забывала. Слишком сладко он меня целовал, слишком увлечённо рассказывал о своей работе, слишком внимательным был.

Хиро быстро запомнил, что для меня табу все, что касается птиц. Я могла сколько угодно шутить над ними, но никогда не прикоснулась бы к курице или печенутому рябчику, и даже подушки у меня были не перьевые. И писала я металлическим пером, хотя ему ничего не сказала, когда он принёс свой набор для письма с гусиными перьями. Спустя пару дней он купил новый набор металлических.

Выгонять его было уже неловко, да и не хотелось, если честно. Как-то быстро я привыкла, что нас уже двое, и тетка Аглая ставила на стол теперь семь тарелок вместо шести. Он несколько раз даже вставал за прилавком в аптеке, когда мне срочно надо было отнести лекарства больному, а Теши не было рядом.

С дядько Хиро быстро нашёл общий язык, да и с сыновьями его ладил.

– Я люблю детей, – смущенно улыбнулся он мне, когда я увидела, как он, сидя на камне в саду, вырезает деревянные катаны. – У меня была большая семья.

Это был, пожалуй, первый случай, когда он что-то сказал про свое прошлое. Обычно Хиро молчал или отшучивался.

– Хиро, а... детей у меня не будет, – сообщила ему я, сочтя момент подходящим. Мне не хотелось скрывать от него что-то, вдруг он мечтает о детях, а я... скорее всего и забеременеть никогда не смогу. Спасибо моему покойному супругу, позаботился.

– Я знаю, я видел, что ты принимаешь настои – спокойно ответил он, не отрываясь от своего занятия. – Но если ты захочешь родить мне ребёнка, я буду счастлив.

На самом деле, я пила отвар для здорового цвета кожи, но разубедить его не стала. Только посмотрела на него, прикусив губу и вздохнула. В самом деле, нельзя же быть таким идеальным! Почему он никогда не сердится на меня, ничего не требует? Неужели ему просто безразлично?

Мне бы хотелось родить ему ребёнка – хотя бы для того, чтобы узнать, умеет он волноваться или нет. Ну и вообще... Хиро был бы идеальным отцом: спокойным, терпеливым, нежным. Надо, пожалуй, почитать травники... и с ведуньями посоветоваться, а вдруг всё ещё не так уж и плохо? Хотя если я больше не забеременела от мужа – в течение целых шести лет – то, наверное, даже и думать об этом бессмысленно. Что ж, моя тетка как-то без детей прожила, и я проживу.

Я решительно тряхнула головой, прогоняя неуместные мысли, и принялась дергать сорняки на клумбе с лекарственными травами. Ничто так не прочищает мозги, как физический труд. А все же я чувствовала, как Хиро меня разглядывает и, кажется, улыбается. Бесит эта его понимающая улыбочка, просто из себя порой выводит! И идеальность его бесит. Не может же быть, чтобы он настолько хорошо себя контролировал? Должны быть у человека слабые точки?

9. Нежданные гости

В один из дней Хиро явился домой встревоженный.

– Ли (он сократил мое имя до минимума), в пригороде ярмарка. Мне не нравится, что здесь много чужаков теперь болтается. Будь, пожалуйста, осторожна и по ночам одна не ходи, и Теше тоже передай.

Ярмарка? Как ярмарка? Так она же в конце лета, когда уже хозяйки – нормальные хозяйки, не я – собрали урожай, заготовили варенье и знаменитые фулбинские яблоки в меду, и вообще— кто чем богат: портниха нашла рубашек, тетка Аглая заготовила колбас – то-то у нее из дома давным-давно дымом ольховым пахнет, кондитер конфет разных наделал! И только я совершенно забыла про все, увлеченная своей аптекой.

– Ярмарка, – зачарованно повторила я. – Это ведь травы привезли неместные и всякие зелья!

– Женщина, ты меня вообще слышала? – в голосе Хиро металлические нотки. – Я прошу быть осторожнее, а ты что?

– А я хочу на ярмарку! – я как ребёнок захлопала в ладоши. – Хиро, давай сходим!

– Не могу, у меня усиленное патрулирование. Мне даже выходных сейчас не положены. Сходи с дядей или с Дьеном и Тешей.

– Ладно, – я сделала вид, что не расстроилась, хотя на самом деле расстроилась. – Тебе что-нибудь поглядеть?

– Да, если найдёшь черную редьку и соленый имбирь, возьми. Я люблю.

Я сморщила нос – гадость какая – но запомнила. Ох, надо список написать! Мне столько всего хочется купить! В Фулбине нет хорошего стеклодува, склянки для лекарств у меня сплошь косые и неровные, а маленьких и вовсе почти не осталось. Ой, книг нужно найти, всяких. Осенью в дождь отчего бы и не почитать? И шёлк, мне нужен шелк, чтобы отвары цедить, вот через хлопок нужной чистоты не получается.

А в городе, действительно, стало беспокойно. Гостиницы были переполнены, кузен Фредерико жаловался, что денег, конечно, прилично, но пришлось нанимать дополнительную прислугу: готовки и уборки невпроворот, да еще мебель ломают, окаянные. Многие купцы приехали с охраной, вот от охраны-то и проблемы. Дерутся, к служанкам пристают, местных парней задирают.

Пытались и патруль на прочность проверить, показать свою удаль молодецкую, да здорово просчитались. Хиро не зря гонял своих стражей в хвост и гриву: из первой же, причем неравной, стычки местные вышли победителями, а в тюрьме были забиты все камеры, что отродясь у нас не случалось. Купцы потом часть своих охранников выкупили, а часть так и бросили. наших парней пытались сманивать, некоторые согласились пойти в охрану торговцев.

Все это я узнала от покупателей и дивилась: ко мне чужаки не заходили, да и на улице почти не попадались. Мне казалось, привирают люди – есть, между прочим, у жителей небольших городков такая черта характера. Поэтому я безбоязненно гуляла, где нужно: но Тешу вот везде сопровождал ее Дьен и родители теперь не возражали.

День близился к концу, а точнее, к ночи. За окном уже темнело – теперь солнце садится раньше. Теша торговала с отцом на ярмарке, до которой, между прочим, я так и не дошла, а я без помощницы ничего не успевала, а ведь у Флори Ранье дочка маленькая заболела, она дважды присылала мужа за микстурой, но я только к вечеру её закончила. И примочки от синяков и ссадин Фредерико только сейчас и сложила в корзину, а между тем он продавал их в своей гостинице чуть ли не в три раза дороже, чем я в аптеке. Прибыль мы делили пополам.

Я сложила всё в корзину, с тревогой глянула в окно. Не боялась, нет – после приключений в Ранолевсе меня сложно было чем-то напугать.

Но Хиро предупреждал... Ай, ладно! Здесь всего-то два квартала бежать. А Фредерико меня потом до дома проводит.

На улице было темно и тихо. Фонарей у нас немного, но и дорогу я знаю, как свои два крыла, на булыжной мостовой не споткнусь даже с закрытыми глазами. Прошла по Гнездовой улице, свернула в Пшеничный переулок.

Там-то меня и поймали. Две тени перегородили мне дорогу, ещё две внезапно оказались сзади. Я сглотнула. У нас нерушимое правило – не оборачиваться при чужаках. К тому же я прекрасно знала, чем это может закончиться – спасибо графу Волорье за науку. Поэтому я сделала первое, что пришло в голову – завизжала изо всех сил. Плевать – свои или чужие – после разберёмся.

Пара сильных рук тут же зажала мне рот, больно прихватив прядь волос, другая пара вырвала из рук корзину, а третья принялась шарить по груди и бедрам. Я изо всех сил вспоминала уроки Ральфа. Обмануть, расслабиться, а потом бить в колени и глаза. Судорожно потрепыхалась и обмякла, будто в обморок упала.

– Отлично, девка в отключке, – хмыкнул один из нападавших. – Потащили.

– Зачем? – не понял второй. – Она явно не та, которая нам нужна.

– А на месте разберёмся. Если не та – то мы её просто оприходуем и прирежем по-тихому.

– По-тихому не получится, это баба начальника стражи, по-моему.

– Пока ее найдут, мы уже исчезнем. Я не понял, ты слышь что ли? Если слышь, то нам больше достанется.

Пора!

Я дернула головой, изо всех сил ударяя затылком по лицу держащего меня мужика. Прибить не прибила, но от неожиданности он меня выпустил. Снова заорала, толкая второго и пиная его под колено. Два других обхватили меня с обеих сторон, но я вырывалась, лягалась и вопила, когда их руки соскальзывали с моего рта.

Серебристый отблеск и характерный свист рассекаемого мечом воздуха заставили одного из бандитов отпрянуть и дернуться. Мне на руки плеснуло что-то тёмное и горячее. Вторым как-то молча начал заваливаться на бок. Стало очень тихо, так тихо, что я слышала свой стук сердца, а дыхание громом отдавалось в ушах. Сорванное горло саднило.

– Я ведь тебе говорил "не ходи одна по ночам", – заорал на меня Хиро, бледное лицо которого едва ли не светилось в темноте. – Дурная ты женщина, когда ты научишься слушаться?

Губы у меня задрожали, я всхлипнула и немедленно оказалась заключена в объятия ниххонца. Он сжал меня из всех сил, зарылся лицом в мои волосы и отчаянно ругался на ниххонском словами, которые я не знала, вспоминая чужих мне богов и демонов.

– Лиана, ну как ты могла? – легко встряхнул меня за плечи он. – Я ведь просил! Мои слова для тебя вообще ничего не значат, да?

– Прости.

– Дура, причем здесь "прости"? Они убить тебя могли! изнасиловать! Бог ведь ещё что сделать! А если бы я домой позже возвращался?

Я хотела было разозлиться, разобидеться, но следующие слова выбили меня из колеи.

– Чуть с ума не сошел, когда я понял, что это ты, – дрогнувшим голосом признался Хиро. – Ласточка моя, милая, нежная, почему ты не бережешься?

До этого я как-то держалась – от злости ли, от пережитого ужаса, а после его слов разревелась как ребёнок и попыталась что-то объяснить: по заболевшую дочку у Ранье, про прищипки для Фредерико. Хиро тяжело вздохнул, огляделся и покачал головой:

– Что эти люди тебе говорили? Что хотели?

– Хотели меня изнасиловать и убить, только не здесь. Куда-то тащить хотели.

– Господи... – он снова прижал меня к себе, целуя в лоб. – Ладно. Давай я тебя домой отведу. Не спорь, пожалуйста. Я понял, больной ребёнок. Сам отнесу твоё лекарство.

В конце переулка показались фонари, Хиро дернулся и свистнул пронзительно. Фонари рысцой устремились к нам. Патрульные.

– Петрес, Кайлен, – начал распорядиться начальник стражи. – На Авелин четверо этих вот напали. Я её домой отведу и вернусь, будем оформлять. Ах, да. Лина, кому лекарство отнести?

– Флори Ранье.

– Я могу, – вызвался один из мальчиков. – Тут рядом, я знаю, где это.

Я наконец смогла разжать пальцы и выпустить складки кимоно Хиро. Присела над своей опрокинутой корзиной: ничего не разбилось. Хорошо. Руки тряслись так, что лекарства едва смогла собрать. Нет, Авелин, надо успокаиваться. Сейчас вернусь домой и заварю себе травок, аптекарь я или трясогузка? Хиро мягко отодвинул меня, забрал корзину, сунул патрульному, а потом повел домой.

Мы поднялись в спальню.

– Раздевайся, Ли.

– Ты с ума сошел?

– Ли, птичка, у тебя платье в крови. Если не постирать сейчас, засохнет, пятна останутся. Жалко, красивое.

Я опустила взгляд: действительно – бурые влажные пятна на подоле и корсаже. Голова закружилась. После того, как меня заставили смотреть на казнь мужа, мне дурно от вида крови.

Зажмурилась.

Хиро вздохнул и принялся меня раздевать, а потом заставил надеть рубашку и юбку.

– Ты чего?

– Пойдешь к дяде. Я тебя в таком состоянии оставить не могу.

– Я сейчас травок заварю и успокоюсь.

Он щелкнул пальцами.

– Точно! Травки! Пойдём, я сам заварю.

Мы спустились в кухню. Он принялся шариться по моим ящикам, банкам и мешочкам. Смешивал какие-то травы, варил в моей кастрюльке, цедил через ткань, а потом сунул мне большую керамическую чашку с какой-то бурой дрянью, отвратительной и на вид, и на запах, и скомандовал:

– Пей всё.

– И почему ниххонские отвары все такие противные? – жалобно спросила я.

– Мы, ниххонцы, любим трудности, – усмехнулся Хиро.

Я выпила, и меня почти мгновенно повело. Глаза начали закрываться, мысли разлетаться в стороны.

– А ты смешной, – сообщила я Хиро. – У тебя три глаза, ууу... нет, четыре.

– Хм, неужто я переборщил с мирилией? Вроде не должен.

– Это потому, что я птица. На меня некоторые травки неадекватно действуют.

Проснулась я после полудня – совершенно спокойная и умиротворенная. Вчерашнее происшествие казалось смутным сном. Ничего же страшного не случилось – я почти даже и отбилась от них.

– Как ты себя чувствуешь? – раздался голос ниххонца. – Не тошнит? Голова не болит?

– Ой, а ты зачем здесь?

– Я сюда отчеты принес, какая разница, где их заполнять – тут или в ратуше. Ты знаешь, что мне мэр кабинет выделил? Очень удобно, в казармах негде бумаги хранить.

– Понятно, – я присела на кровати, повела плечами, потрясла головой. Ничего не болело.

– Я твое платье Аглае отнес, она обещала пятна крови вывести.

Вспомнив про кровь, я тут же зажала рот руками.

– Хиро, из-за моей глупости четверо человек погибло!

– Ты-то здесь при чем? Их убил я. И убил бы, даже если бы они на любую другую горожанку напали. Знаешь, что самое смешное? Ты им вообще не нужна была. Мы с ребятами наведались в гостиницу, где их хозяин-купец сейчас живет, спрашивали людей, поглядели личные вещи. Ребята из Ранолевса и, судя по всему, не просто так сюда приехали. Ищут знатную даму, некую графиню Волорье.

Платная часть дальше

10. Дождь в конце лета

Несколько дней Хиро приходил домой настолько измученный, что даже не мылся. Притащил тюфяк, бросил на пол – чтобы не оскорблять моего нежного тела запахом своего пота – и засыпал, кажется, ещё не коснувшись головой подушки. Просыпался на рассвете, выворачивал на себя ведро воды и сбегал, оставляя грязное исподнее и лужи на полу в ванной. Я не ругалась и не злилась, понимая, что он работает в том числе и для того, чтобы мне было спокойнее, но мне отчаянно его не хватало.

Я полюбила засыпать, уткнувшись носом в его плечо, полюбила закидывать ногу на его бедро, полюбила слушать его ровное дыхание. Нет, я была не влюблена в него самого, в моем сердце не осталось живого места для каких-то чувств. Я любила, пожалуй, свой собственный покой рядом с ним, ощущение комфорта и волны надёжности, исходящие от него. Мне было с ним удобно. Он никогда не повышал на меня голос, не упрекал ни в чем. Если я не успевала постирать его белье, он спокойно стирал его сам, зачастую прихватывая и мои сорочки из корзины. Первый раз я едва не плакала, увидев, как он повесил в саду на веревках мою нижнюю юбку, накричала на него, а он и в самом деле не понял, в чем виноват, а когда понял, долго смеялся.

Может быть, он вел себя так потому, что ниххонские жены не утруждают себя грязной работой. Или потому, что он воин, а воины всегда заботились о себе сами. Не знаю. Знаю только, что мне сейчас он был нужен, и дело не только в постели. Хотя и в постели, без сомнения, тоже.

Ночью я долго смотрела на спящего Хиро и никак не могла уснуть, поэтому ближе к рассвету сползла на пол, положила свою подушку рядом, прижалась лбом к его спине и так затихла. Да, пах он отнюдь не ромашками, но мне его запах противен не был. Проснувшись уже к полудню – на своей постели. Я даже не была уверена, что мне все это не приснилось. А на столе лежал кулёк засахаренных орехов и уже увядшая садовая роза, явно сорванная с куста возле ратуши, только там такие крупные растут. Я долго на нее смотрела, пытаюсь не расплакаться. За что мне небеса подарили такого мужчину? Нашёл ведь время забежать!

Ну так и я найду время занести ему обед, а то исхудал мой ниххонец до невозможности!

Поставила розу в стакан с водой, оделась, сбегала вниз. В аптеке вовсю хозяйничала Теша, на стуле в углу скалил зубы Дьен, немедленно сообщивший:

– Акихиро велел вас не будить, а мы и не будили.

– Лина, у нас примочки от синяков кончились и таблетки для горла, – встрепенулась Теша.

– Плевать, у меня выходной, – отрезала я. – Ничего, до "Кота" прекрасно дойдут, чай, не одна аптека в городе.

– Выходной? – картинно удивилась девушка. – Это что за птица такая?

Я только рассмеялась.

– Хочешь, закрывай аптеку и отдыхай, – предложила я. – Дождь к вечеру обещали. Сходила бы на речку, искупалась, а то работаешь и света белого не видишь.

– Нет уж, я лучше здесь посижу, – порозовела Теша, кинув быстрый взгляд на жениха.

Я остановилась. Вздохнула. Подошла к одному из ящичков и ткнула в него пальцем.

– Ты знаешь, что здесь лежит? – строго спросила девушку.

– Да, конечно, – растерянно ответила она. – Пилюли. Против беременности.

– Знаешь, и молодец. Имей в виду.

– Лина, да ты что! – Теша едва не плакала, вся покраснев. – Да мы с Дьеном! Да мы никогда!

Я скосила глаза на юношу. Он кивнул и прошептал одними губами "спасибо". Вот теперь я точно была спокойна.

Тетка Аглая тушила кролика с овощами в горшке. Стоило мне только заикнуться, что я хочу отнести обед Хиро, как она тут же нашла горшок поменьше, наложила туда жаркого от души, да еще прибавила хлеба и сыра. Завернула в полотенце, вручила мне. Я даже пикнуть не успела.

Казармы стражи находились возле ратуши. Я шла по улице, здоровалась с горожанами и опасливо поглядывая на хмурое небо. Кажется, будет гроза. Кажется, совсем скоро.

Матери загоняли детей по домам. Топот ног сзади заставил меня обернуться.

– Кого ищите, госпожа Ферн? – поинтересовался патрульный.

– Акихиро, – опустила ресницы я.

– Я позову. Вы бы укрытие нашли, сейчас как хлынет! А знаете, в парке за ратушей беседка есть. Идите туда скорее, я пришлю командира туда.

Я поблагодарила мужчину и почти бегом направилась в красную деревянную беседку с чёрной лаковой крышей. Здесь в летние вечера часто играет маленький оркестр. Есть и лавочка, и соломенная циновка. Хорошее место, уютное.

Сверкнула молния, гром громыхнул так близко, что я подпрыгнула. Небо разверзлось потоками дождя. Я увидела бегущего ко мне крупными прыжками человека в чёрном кимоно и замахала руками. Хиро влетел под крышу, тяжело дыша, скинул мокрый насквозь халат и принялся выжимать волосы. Его чёрные глаза горели весельем.

– Неугомонная ты женщина, я из-за тебя весь промок, – укорил он меня.

– Мог бы и не бежать. Переждал бы где-нибудь, – пожалала я плечами.

– Не мог, – усмехнулся он. – Я с тобой хочу переждать. А то уже начинаю забывать, как ты выглядишь, когда не спишь.

Он начал стаскивать с себя штаны, и я возмущённо зашипела:

– Ты что, мы же в парке! В Эльзании нельзя ходить голым в публичном месте!

– Милая, да вокруг дождь стеной! – фыркнул он, притягивая меня к себе и развязывая пояс на юбке. – Сейчас здесь безопаснее, чем в твоей спальне!

– И что ты собираешься делать? – с подозрением спросила я.

– Догадайся, – усмехнулся он, стаскивая с меня юбку. – Ой, как будто ты против!

Я была против, но возразить не успела, потому что он развернул меня к себе спиной и начал связывать мне руки своим поясом.

– Не нужно, пожалуйста, – мой голос позорно сорвался на всхлип. – Хиро, нет!

Он замер. Провел пальцами по моим предплечьям, понимая, что я не играю, а всерьёз напугана.

– Ласточка, я сделал тебе больно? – тихо спросил он.

– Нет... пока нет.

– Кто-то другой делал тебе больно? – невыносимо спокойно продолжил он.

Я молчала, вздрагивая и вспоминая короля Ранолевса, связанные руки и пощечины.

– Я понял, больше не буду, – мягко сказал Хиро, распуская путы. – Прости, что напугал. Помочь тебе одеться?

Я развернулась, заглянула ему в лицо и закинула руки на шею. Потянулась к губам.

– Авелин, я не настаиваю, – нежно, словно ребёнку, произнес Хиро. – Я просто очень скучал... Но я рад даже побыть рядом с тобой лишние несколько минут. Если для тебя это неприемлемо, то мы просто поговорим.

– А потом ты будешь сниться мне ночами? – хрипло спросила я. – И делать со мной всякие неприличные вещи... только лишь во сне?

– А тебе снятся неприличные вещи? – с притворным испугом спросил Хиро, все-таки спуская с моих бёдер юбку. – Насколько неприличные?

– В высшей степени, – пробормотала я, утыкаясь носом в его обнаженное плечо со свежей ссадиной.

Конечно, в аптеке закончились примочки – ведь у меня под руками очень благодарный пациент! То синяки у него, то вывихи, то лёгкие ранения...

Мне нравился его запах. Птицы вообще очень чутко различают запахи, оттого и с травмами работают, и с мясом, и с хлебом. Дядько свежесть товара с закрытыми глазами определит, а я в лесу лекарственные растения всегда нюхаю.

Вкус Хиро тоже нравился – я слизывала с его горько-соленой кожи капли дождя, стекающие с волос. Провела губами по груди, по плоскому коричневому соску, прикусила кожу под рёбрами, за что сразу и поплатилась. Он буквально упал на лавку, увлекая меня за собой, к себе на колени, потянул за бедра, скользя членом по скользким от влаги складочкам, помогая руками, толкнулся в меня и замер, откидывая голову и втягивая воздух сквозь зубы. Я качнулась на его коленях, провела кончиком языка по горлу, задевывая кадык, прогнулась в пояснице. Где-то на краю сознания барабанил дождь, гремел гром, а у меня в ушах шумела кровь, я даже не слышала, что там, в двух шагах. Покачиваясь, то двигаясь плавно, то рывками, я вела в этой скачке и мне безумно это нравилось. Он сдался первым, подхватив меня под ягодицы и с силой насаживая на себя. Стиснул мою спину, жадно поцеловал в губы, а потом поймал и прикусил губами сосок. Мой крик и его глухой стон были поглощены очередным раскатом грома.

Потом мы просто сидели в обнимку на циновке. Он рассеянно пропускал сквозь пальцы мои волосы, а я слушала стук его сердца.

– Ли, ты... останешься со мной, если узнаешь обо мне что-то ужасное? – тихо спросил он.

– Смотря что, – не стала врать я. – Если ты убиваешь детей или грабишь стариков – то нет. Но ты ведь не такой, Хиро.

– Ты почти угадала, – хрипло ответил он. – Почти угадала.

Ниххонец встал и принялся натягивать штаны, не глядя на меня. Я подскочила и схватила его за локти.

– Акихиро Кио! – грозно сказала я. – Не смей уходить вот так! В конце концов, я тоже не птичка-синичка! И у меня есть свои тайны!

– Да какие у тебя могут быть тайны, ласточка моя, – нежно улыбнулся он, светлея лицом. – Ты самый чистый человек, которого я знаю.

11. Все носят маски

Настала моя очередь опустить глаза стыдливо.

– Ты меня совсем не знаешь, – горько сказала я. – А знал бы – даже дотронуться побрезговал бы.

– Глупая птичка, я знаю о тебе всё, – он прижал меня к себе и погладил по волосам.

– Нет, не знаешь! Я...

– Не сейчас, не здесь, – перебил он меня. – Потом... если у нас будет это потом. Дождь заканчивается. Знаешь, я всегда теперь буду любить дождь.

Мне не нравились его слова, не нравились опущенные плечи, не нравился взгляд. Я привыкла видеть Хиро спокойным и уверенным в себе, а сейчас его что-то тревожило.

– Я ж тебе обед принесла, – спохватилась я. – Ешь скорее, пока не пришли за тобой.

– Пока не пришли... – эхом откликнулся он, а потом тряхнул длинными мокрыми волосами чисто как пёс, засмеялся и принялся разворачивать горшок.

– Ты сама-то обедала? – спросил он, когда рагу осталось меньше половины.

– Неважно, – уклонилась от ответа я.

– Ясно, ешь давай, – он, не слушая больше ничего, сунул мне в рот ложку. Пришлось жевать и возмущённо сверкать глазами. Он только улыбался – спокойно, как всегда – и кормил меня.

Дождь закончился. Хиро быстро поцеловал меня, сунул в руки горшок, накинуд мокрое кимоно и помчался к своим стражникам. Я посмотрела задумчиво ему вслед, потом осторожно сложила горшок и ложку под скамейку, потянулась, встряхнулась... и мир вокруг начал увеличиваться.

Когда-то я дала себе слово, что не буду больше обращаться птицей без крайней на то необходимости. Сейчас я чувствовала, что происходит что-то дурное, и это вполне могло тянуться из моего прошлого. Я взмахнула крыльями и полетела следом за Хиро. Я должна была понять его.

Он шёл быстро, на ходу поправляя короткий меч и завязывая в узел мокрые волосы. Хотелось его отругать за то, что натянул мокрую одежду – как бы не простыл.

Но Хиро оказался умнее меня – ближе к ратуше он сбросил свое кимоно на куст и полуголый промчался в здание. По сердцу полоснула острая ревность: к кому это он в таком виде собрался? Но он и тут не разочаровал меня. Стремительно взлетел по лестнице, забежал в какой-то кабинет, где извлек из шкафа мятую черную безрукавку, натянул её на себя, схватил бумаги со стола и побежал к мэру. Пришлось перелетать к другому окну. Села на обналчик окна, прислушалась. Вообще-то в нашем городе, где как минимум три птичьих стаи, мэру давно пора завести привычку закрывать окна, но на улице сейчас так хорошо и приятно – после грозы-то – что он этого не сделал.

– Ты должен был прийти час назад, – рявкнул мэр на моего Хиро. – И что за вид?

– Гроза, господин.

– Ладно. Что у тебя на графиню?

– А вы твердо уверены, что желаете её выдать властям Ранолевса?

– Запрос прислали. Дипломатический. Какой у нас выбор?

– Господин мэр, при всем уважении... я жил в Ранолевсе, я был близко знаком с графом Волорье. Король Люциус у власти пробудет недолго. Я рекомендую всячески затянуть процесс поисков графини. Теряйте письма, пишите канцелярские отписки, уточняйте детали. Мне ли вас учить?

– Ты знаешь, где она, – мэр не спрашивал, мэр утверждал.

– Знаю, – не стал врать Хиро.

– И что ты думаешь?

– Она не виновата ни в чем.

– А если виновата? Если это она отравила прежнего короля по приказу своего мужа?

– В таком случае, для чего бы Люциус её так тщательно искал, да еще требовал доставить живой? Разве не проще было бы всё свалить на нее?

– Ищет, чтобы устроить показательную казнь.

– Женщины ее положения? Он уже казнил графа и получил восстание на севере, которое до сих пор не может подавить. Пусть попробует отрубить голову графине – и от него отвернутся те, кто остался. И потом, она женщина! По законам Ранолевса именно муж отвечает за жену, а муж казнён.

– Тогда зачем ему графиня?

– Я думаю, она что-то знает, – наконец, сказал Хиро, склонив голову набок. – И Люциус очень боится, что это что-то узнает кто-то ещё. Например, его младший брат, который тоже ищет графиню Волорье.

– Я полагаю, что мне нужно дать знать его величеству, что дело продвигается, – задумчиво забарабанил пальцами по столу мэр. – И испросить совета, какому правителю Ранолевса нужно давать отчёты – нынешнему или потенциальному. Мы близко к границе, нам проблемы не нужны.

– Истинно так, господин мэр.

– Господин мэр, господин мэр, – передразнил ниххонца мэр. – Я теперь вообще не понимаю, кто у нас мэр. Ладно, теперь сводки. Рассказывай, что происходит в городе.

Хиро разложил бумаги на столе, а я тряхнула головой и полетела прочь, обратно в беседку. Я должна была подумать.

Он знал моего мужа? Жил в Ранолевсе? Да как так? Почему я его не замечала?

Ответ прост. В то время я боялась даже посмотреть в сторону красивого мужчины. Муж ко мне таких и не подпускал.

Может ли Хиро знать, кто я на самом деле? Да, может. Он явно знает. И все равно со мной живёт. Оберегает. Вон, даже мэру не сказал. Вот только непонятно, какая у него цель.

Что у Люциуса есть ещё младший брат, я слышала. Он от второй королевской жены и воспитывался где-то на севере. Да, Ральф что-то говорил о нем вскользь. Если он не такая же мразь, как старшенький, я готова с ним сотрудничать.

Боже, как мне нужен сейчас чей-то совет! Я совсем отвыкла от этих интриг, да и никогда мне не было это интересно. Немного подумав, отправилась к дядюшке в лавку, потому что давно поняла, что он любит меня как дочь.

В груди было холодно и тесно. Не понимаю, почему мне так неприятно от мысли, что Хиро может меня просто использовать. Как странно, то, что меня использовал Ральф, казалось в порядке вещей. Но Хиро, мой ласковый Хиро! Тот, с которым я спала, с которым смеялась, который так быстро стал своим парнем на дядюшкиной кухне!

Так, Авелин, отставить истерику. Ты не любишь его. Тебе с ним удобно. И оттого, что он знает, кто ты, ничего не меняется. Он по-прежнему рядом.

И все же я разрыдалась, как только дядько Амбруз принялась спрашивать, что со мной случилось, если на мне лица нет. Расплакалась, как малолетка, дядько меня даже утешал, обнимал, хлопал по спине и подсовывал пахнущую бычьей кровью тряпку.

– То есть Акихиро знал, что ты графиня Волорье? – уточнил дядюшка, когда я успокоилась.

– Знал. С самого начала.

– И все равно с тобой жил?

– Угу.

– И ты считаешь, что он шпионит за тобой? Просто решил быть поближе к подозреваемой?

– Именно так.

– И поэтому он твои юбки стирает (дядько до сих пор ржал над той историей) и придумывает, как тебя вытащить из того говна, в которое затащил тебя твой покойный муж? Ты дура, да?

– Наверное, дура, – угрюмо согласилась я.

– Лина, так, как он, ведут себя только любящие люди.

– Дядя, Хиро просто очень хороший. Правильный. Была бы на моем месте другая женщина, он вел бы себя точно так же.

– Милая, но на твоём месте ты! Да, Хиро хороший. Мне он очень нравится. Да и ты рядом с ним расцвела, снова стала улыбаться. А то, когда приехала, угрюмая, как галка, была.

– Он хороший, но меня использует.

– Все мы друг друга используем, – философски заметил дядько. – Я люблю свою жену, но ещё люблю пирожки, жаркое и чистые рубашки. Она любит денежки, которые я приношу. Ты любишь спокойствие и защиту, которые даёт тебе твой мужчина, а он – не знаю, чего он в тебе, непутевой, нашёл. Готовить ты не готовишь, деньги твои ему не нужны, сдать он тебя пока не сдал. Ну, может, в постели у вас все хорошо, но так ради этого с женщиной не живут, тем более, если можно и так получить постельные утехи, без сожительства.

Я кивнула, утирая слезы. Дядюшка был очень убедителен.

– И вообще, я бы на твоём месте больше волновался о том, что на тебя отравление короля повесили. Попадешься – стая не сможет тебя отбить. Разве что в лесу спрятать, как твою мать...

– Что?

– Что?

– Про маму ты сейчас что сказал?

– Потом, птичка, сейчас не до этого.

– Дядя Амбруз! – я повысила голос, не собираясь сдаваться, но он ловко вытолкнул меня из лавки.

– Иди-иди, после поговорим, – крикнул он вслед. – Иди, у тебя в аптеке посетители.

12. Графиня и шпион

Я лежала на постели, сжавшись в комок. Несмотря на дядюшкины слова, было страшно. Мне очень нужно было поговорить с Хиро, но он все не приходил, и я все больше волновалась и накручивала себя. Наконец, внизу тихо скрипнула дверь. Хиро явно думал, что я сплю, поэтому старался не шуметь и свет не включал. Вот его длинный силуэт вошёл в комнату, зашуршал одеждой. Он зашёл в уборную, где сначала характерно зажурчала вода, а потом послышался плеск. Вернулся, тихо сел на край кровати, разуваясь, и я не выдержала, дотронулась до его влажной спины.

Он вздрогнул всем телом.

– Ли, ты не спишь! – выдохнул он. – Ух, напугала!

– Хиро, я должна тебе что-то сказать.

– А до утра не подождет? – он зевнул и почесал нос.

– Нет. Хиро, я – пропавшая графиня Волорье.

– Да, и что?

– В смысле, и что? – повысила голос я.

– Ну я знаю, что ты графиня Волорье. Что теперь?

– И давно ты знаешь?

– С самого начала знал. Я видел тебя в Ранолевсе. Ты, конечно, здорово изменилась. Там была такая важная дама, и кожа белая, и волосы такие... кудрявые. А тут простая девчонка. Но ноги в чулках те же.

– Ноги? – глупо переспросила я.

– Ноги, – мечтательно протянул он. – Самые красивые ножки в Ранолевсе...

– Ты что, меня по ногам узнал?

– Не совсем. Я, когда ты на дерево полезла, подумал, что такие восхитительные ноги я видел только у графини Волорье. Потом, когда ты ко мне пришла, я подумал: да нет, что за бред! Разве графиня может быть такой...

– Какой? – не утерпела я.

– Забавной. Нежной. Чувственной. Но получалось, что всё сошлось: и то, что ты ниххонский знаешь в совершенстве, причем и традиции тоже, и приехала ты недавно, как раз передо мной, и аптека опять же. Я с графом знаком был, он как-то обмолвился, что его жена отлично разбирается в ядах.

– А почему ты мне ничего не сказал? – растерянно спросила я.

– Зачем? Раз ты скрываешься – значит, на это есть причина. Захотела бы – сама бы сказала. Ну и вообще...

– Что "вообще"?

– Если ты графиня, то я тебе не ровня, – тихо ответил ниххонец. – Я ведь даже не из знати, к тому же беглец.

– Дурак, – вздохнула я, прижимаясь к его плечу.

– Дурак, – не стал спорить он. – А ты почему решила сегодня сказать?

– Подслушала твой разговор с мэром.

Он засмеялся тихонько и затащил меня к себе на колени.

– Ли, – принялся целовать он мою шею. – Ты невыносима. Ты хоть понимаешь, в каком ты сейчас положении?

– Нет, не понимаю. Хочу, чтобы меня оставили в покое. Графини Волорье больше не существует.

– Тебя найдут. Я же нашёл.

– А ты искал?

– Искал.

– Кто ты такой, Хиро?

– Много кто, птичка. Убийца. Беглец. Начальник стражи. Твой любовник. Ну и еще шпион принца Вазилевса.

Я дернулась у него в руках, зашипела, начала вырываться. Он прикусил мне ухо и невнятно пробормотал:

– Не ерзай, я не железный.

– У тебя в беседке было, тебе мало?

– Ты слишком красивая.

– Не уходи от темы, хотя мне, безусловно, приятны твои намерения. Что там с принцем?

– Вазилевс – это второй сын покойного короля...

– А то я не знаю! Который наместник северных провинций.

– А давай ты будешь рассказывать, а я послушаю?

Я надулась и замолчала, а Хиро, понимая, что находится в более выгодном положении, нагло засунул руку в ворот моей сорочки и принялся поглаживать грудь.

– Вазилевс с Люциусом никогда не ладили. Они настолько ненавидят друг друга, что отец их разделил. Один на юге, другой на севере. Но Люциус, несмотря на то, что жил в столице, да еще с выходом к морю, все равно считал, что его обделили, ведь на севере горы, а значит, шахты, руда, металлы, оружие. Плавильные мастерские тоже на севере, и основные производства там. На юге же поля и сады.

– Хиро, я все это прекрасно знаю. Ближе к делу.

В отместку он ущипнул меня за сосок, а я специально поерзала попой на его бёдрах, с явным удовольствием ощущая его отчетливую реакцию.

– Ууу, коварная. Ладно. Я попал в свиту Вазилевса почти случайно. Как и здесь, пришёл наниматься в охрану, с блеском прошёл испытания, я все же меч с восьми лет в руках держу и учился у лучших мастеров Ниххона. Принц, видя, что я хороший воин, да еще неболтлив, взял меня в личную охрану, и не зря. Я дважды стрелы отражал и несколько раз из ловушек вытаскивал. Люциус же не оставлял братца в покое. Ну, стоит признать, что Вазилевс тоже не птичка-синичка (тут я улыбнулась, потому что говорил Хиро теперь совсем как один из нас, из птиц). Он тоже брату и убийц посылал, и отравленные свечи... Со свечами, кстати, отличный план был, жаль, не вышло. Он, когда зажжёт их, вышел... а потом вернулся – а у него канарейка сдохла, прости за подробности, Ли.

Я пожала плечами: сдохла и сдохла. Бывает.

– Мне потом немало труда стоило свечи обратно на обычные заменить, пока Люциус не сообразил их королю подсунуть.

– Да, он обошёл обычным ядом. Не совсем обычным, конечно, очень редким.

– И куда делся яд, Ли?

– Понятия не имею.

– Ясно. Граф Волорье был человеком Вазилевса. Они же оба с Севера, хорошо знакомы, почти друзья... Люциус с графа и начал.

– А я-то ему зачем?

– Бумаги и яд, птичка. Кто самая удачливая воровка Ранолевса? Не хмурься. Тебя муж под пытками выдал.

Это было для меня новостью. Выдал? Вот ведь... слабак!

– Хиро... а ты бы... под пытками...

– Я бы скорее себе язык откусил, и это не шутка, птичка моя.

Он прижал меня к себе и начал гладить коленку, задрал сорочку до самых бёдер.

– В общем, Вазилевс был счастлив, когда узнал, что ты сбежала. Отправил меня тебя искать. Я и подумать не мог, что ты сама мне в руки прилетишь.

– И ты... сообщил обо мне?

– Пока нет. Пишу туманные письма, рассказываю о тяжких поисках.

– Почему?

– Жалко мне тебя. Принц – он вообще-то жестокий и хитрый, хотя благородства в нем поболее, чем в брате. Отца он любил, преклонялся перед ним. Властью Вазилевс не одержим, его и положение наместника устраивало, но ты ведь понимаешь, что это теперь вопрос чести? Или он, или его. И тебя он так просто не отпустит, даже если ты ему на блюдечке принесёшь доказательства того, что Люциус – отцеубийца.

– И что мне теперь делать? – жалобно спросила я.

– Вариантов немало. Можно попробовать сотрудничать с Вазилевсом. Можно отдать улики Люциусу, но совершенно не факт, что он тебя не уничтожит, как свидетельницу своего преступления. Ну, или просто убежать ещё дальше.

– Куда, интересно? Здесь мой дом, моя родня.

– Ну... есть вариант. Выходи за меня замуж, и я увезу тебя в Ниххон. Там никто не найдет. Я знаю одно место...

Я оцепенела в его руках. Как это – замуж? Он тоже замер, я только чувствовала, как колотится его сердце.

– Хиро, я... подумаю, – осторожно ответила я, отчаянно боясь обидеть его отказом. Не хотела я в Ниххон. Ни с кем. Мне здесь хорошо.

– Птичка, я ведь понимаю, что ты меня не любишь. Так и я тебя не люблю. Просто... если я привезу в то место чужую женщину, это одно. А жену – это совсем другое. И потом, я в самом деле хочу детей.

– Но это предательство по отношению к принцу!

– А что мне до интриг в Ранолевсе? Это не моя страна. Плевал я на всех принцев вместе взятых, пусть они там хоть глотку друг другу перегрызут, я переживу.

Я молчала, подавленная. Значит, он меня не любит. Да, из всех его слов я услышала только это. Ну и ладно, я его тоже не люблю... только почему же так больно в груди?

– Давай спать, Авелин-птичка. Утро вечера мудренее. Завтра поговорим ещё. И это... я на завтра вымолил себе выходной. Свожу тебя на ярмарку, ты ведь так и не выбралась. Уедет ведь. После тех четверых в городе стало значительно тише.

13. Демон

И казалось, что всё наладилось: и на ярмарку мы сходили, и чужаки по домам уехали, и снова у меня были ночи, полные страсти и нежности, вот только ниххонец стал каким-то дерганным и все чаще запирался с дядькой Амбрузом на кухне, откуда меня гнали.

А в один день, вернее, ночь, грянуло.

Хиро ворвался в дом, не беспокоясь о тишине, задел стул, с грохотом опрокидывая его, схватил со стены катану, потом бросил её на стол.

– Ли, прости меня, – выдохнул он. – И прощай. Я должен уехать.

– Надолго? – спокойно спросила я, поднимаясь с постели и сонно моргая.

– Кажется, навсегда. Ли, помнишь, я говорил, что не люблю тебя? Я врал. Ты навсегда в моем сердце, я клянусь, что ни одну женщину больше не назову своей, ни к одной не прикоснусь, – его глаза лихорадочно блестели, он был бледен.

Сна как ни бывало. Что значит "навсегда"? Не позволю!

– Акихиро Кио! – закричала я. – Немедленно объяснись!

– Я не хочу, чтобы ты знала!

– Я тебя никуда не отпущу! – завопила я как выпь на болоте. – Не смей меня бросать!

Кинулась к нему, вцепилась в отвороты халата, прижалась к груди.

– Ли, милая, нежная моя... – он крепко сжал мои плечи, буквально отдирая от себя. –

Не могу...

– А ты через не могу! – я схватила катану, выдернула ее из ножен, взмахнула, будто шпагой.

Хиро вдруг захохотал, буквально сложился пополам.

– Ты бы себя видела, – задыхаясь, шепнул он. – Голая... с катаной!

Я смутилась и убрала катану в ножны. Действительно, смешно.

– Так ты расскажешь мне?

Он с тоской взглянул за окно.

– Ты ведь меня не отпустишь, да?

– Да. Не отпущу. Ты жениться на мне обещал в конце концов.

– Ты отказалась.

– Я не отказалась, а взяла паузу. И вообще, даже если отказалась— это не повод забирать предложение обратно.

– Сейчас откажешься.

Он сел прямо на пол, потянул меня на колени, уткнулся в мои волосы и тихо заговорил.

– Ли, ты – графиня Волорье. Титул у тебя никто не отбирал. Смею надеяться, и не отберёт. А если и не графиня – то ты член большой стаи Ферн. А я... а я изгнанник. Отцеубийца. Порождение демона.

Я из хорошей зажиточной семьи. Мой отец кузнец-оружейник, мастер. За его мечами очередь в несколько лет. С его катаной ходит сам император. Я был третьим сыном, дерзким, неуправляемым мальчишкой, измучившим родителей. Когда мне было восемь, меня отдали в сыновья опытному мастеру меча. Он сказал моему отцу, что во мне дух воина.

Мой приёмный отец был добр ко мне. Он учил меня всему, что знал сам. Мне куда больше нравилось махать мечом, чем орудовать молотом и щипцами. Я умел убивать и делал это хладнокровно, не задумываясь. Отец говорил – я шёл. Детей и женщин, правда, не убивал, только мужчин. В тринадцать я считался лучшим из юношей. Меня прочили в личную охрану Императора.

А потом отец сказал, что я уже взрослый, и настала пора делать из меня настоящего мужчину.

Я замерла, понимая, что Хиро всего трясет, засунула руки в широкие рукава его кимоно, гладя, успокаивая.

– Ты знаешь, как в благословенном Ниххоне мальчики становятся мужчинами?

– Их отводят в бордель? – предположила я неуверенно, понимая, что явно нет, не то.

– Это если нормальные мальчики, – вздохнул Хиро. – А дети воинов... их делают мужчинами их отцы.

Я вздрогнула и в ужасе заглянула ему в лицо. Хиро был бледен как воск.

– Он изнасиловал меня, – жёстко продолжал мой мужчина, не позволяя мне предположить что-то иное. – Я плакал от боли, а он ударил меня, крича, что настоящий воин должен уметь смириться и подчиняться. И что это станет нашим обычаем до шестнадцати лет. Потом уже я получу свой собственный меч и смогу взять ученика... названного сына. Но я, видимо, не настоящий воин. И быть им больше не хотел.

Хиро замолчал, сглатывая, а потом сказал:

– Ты первая, кому я это рассказал.

– Ты его убил, я надеюсь? – сердито спросила я, изнемогая от его боли.

– Что? – очнулся ниххонец. – Да, я его убил. Я мог просто убежать, но не хотел, чтобы он взял ещё сына. Я тогда думал, что он лжёт. Что он просто извращенец. Но он не лгал. Я потом встречал много таких мальчиков... все они подтверждали слова отца. Они гордились тем, что были не просто учениками, но и любовниками.

Я выругалась беззвучно самыми мерзкими ругательствами. Я так даже короля не ненавидела, как этого урода, к которому попал в руки мой Хиро.

– Убил и убил, туда ему и дорога, – жёстко сказала я. – А за что я должна тебя осудить, я не понимаю?

– Я... отцеубийца? – в его голосе звучало удивление. – И... мужеловец?

– Нет, ты испуганный мальчик, который победил свой страх. Хиро... Однажды, в прошлой жизни меня бросили в камеру. Это было уже после казни графа Волорье. И король... новый король... он требовал, чтобы я стала его любовницей. Я отказалась. И он изнасиловал меня. Скажи, я стала тебе противна?

– Нет, что ты. Здесь нет твоей вины.

– Так и твоей вины нет, Хиро. Я все равно тебя люблю и буду любить.

– Что? – он замер, окаменел. – Что ты сказала?

– Люблю, – еле слышно повторила я, пряча лицо в складках его кимоно.

– Зачем? Я не достоин...

– Это не тебе и не мне решать. Любовь – это дар. Она даётся не за что-то, а вопреки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.